

18+

АЛЕКСЕЙ ПОПОВИЧ

ЖЕМЧУЖИНЫ И ГРЁЗЫ

Алексей Попович

Жемчужины и грёзы

«Издательские решения»

Попович А. А.

Жемчужины и грёзы / А. А. Попович — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-653266-3

Хайме — обычный парень, который волей случая оказывается в странном городке Вальберген. Этого места нет на карте, а время вокруг него словно замерло. Главному герою в компании случайной знакомой Лу предстоит разобраться в тайнах города и найти выход. В это время в Вальберген возвращаются таинственные члены морского братства. Что скрывает мрачный городок? Как покинуть его? На эти и другие вопросы главному герою придётся отыскать ответы.

ISBN 978-5-00-653266-3

© Попович А. А.
© Издательские решения

Содержание

ПРОЛОГ	6
НЕЗНАКОМЕЦ	11
1	11
2	13
3	15
4	17
5	19
6	21
7	23
8	25
9	26
10	28
11	30
12	32
ИСТОКИ	34
13	34
14	36
15	38
16	40
17	42
18	44
19	46
20	48
21	50
22	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Жемчужины и грёзы

Алексей Андреевич Попович

© Алексей Андреевич Попович, 2025

ISBN 978-5-0065-3266-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРОЛОГ

Детям свойственно всё преувеличивать. Такова уж их природа. Они впечатлительнее взрослых и их воображение работает куда быстрее и стремительнее. Маленькая деталь, брошенная вскользь фраза или обычное наблюдение могут за секунды превратиться в детском сознании в нечто особенное и уникальное. И за ней не поспеть, она как поезд, который всё время обгоняет тебя на станцию. И он был таким.

Мальчик подошёл к окну. Там, за ним, резвились дети. Они нашли на дороге бездомного пса и принялись играть. Тут же для него нашёлся импровизированный дом, которым стала коробка от старого пузатого телевизора. Кто-то принёс из дома ненужные игрушки, чтобы увлечь пса игрой. Этот единый порыв очень нравился мальчику, но он не мог к ним присоединиться. Ему строго запрещали такие прогулки, после одного случая.

Как-то мальчик выбежал на дорогу, куда улетел его новенький мяч. Красивая игрушка, на поиски которой они с мамой потратили не один час, вдруг под действием воздуха оказалась прямо там, где ездили машины. Мальчик в отчаянии помчался, чтобы спасти свою вещицу. Он знал строгий запрет, что покидать свою часть улицы ни в коем случае нельзя, но что было делать. Мячик летел прямо под колёса машин, которые бы не оставили от него и мокрого места.

Он бежал так, что пот застилал глаза, почти ничего не видя и не понимая. Мальчик пересёк территорию их частного дома и побежал к дороге. Мяч стремительно летел вперёд, навстречу целому картежу автомобилей. Он уже запыхался и с трудом осознавал, как продолжает двигаться так быстро. В боку сильно кололо, боль становилась всё более явной и неприятной. Руки начали трястись от волнения. Он корил себя за то, что не удержал игрушку, упустил из рук заветную вещицу, подвёл всех, себя и маму.

Кожаный мяч залетел под колёса одного из фиатов, который своим тёмным цветом наполнил мальчику одно из неприятных чудовищ из книги. Воображение рисовало страшную картину. Сейчас монстр поглотит его небольшой мяч, буквально за несколько секунд расправившись с его любимой игрушкой. А он будет вынужден смотреть на это, с ужасом осознавая, что не смог ничего сделать. Просто смотрел как от его игрушки ничего не остаётся.

Мама всегда в красках описывала машины, их пугающую мощь и силу. Она считала, что лишь как следует напугав сможет предостеречь его. И страх перед ними действительно появился. Мальчик боялся, что вот-вот познает их ужасную силу. Хотя и не знал толком, что может быть. Автомобиль выглядел сильно потёртым, не особо выделяясь среди остальных. Ребёнку, впрочем, эта машина казалась особенно большой и страшной.

Водитель заметил игрушку, которая прилетела к нему под машину. Сначала он недовольно высунулся, показав малышу свои желтоватые зубы. Небритое лицо вызывало сильное отторжение. Картину дополняли близко посаженные глаза, в которых читалось недовольство. Наверняка он возвращался домой с не самой лёгкой смены и мечтал скорее плюхнуться в кресло, чтобы посмотреть спортивный матч или выпуск новостей.

Его сильно взбесило то, что какая-то игрушка оказалась на пути. Он высунул короткую руку, на которой висели увесистые часы некой фирмы, название которой мальчик не успел прочитать, намереваясь достать мяч.

Мальчик испуганно произнёс:

– Это мой Мяч. Можно я его заберу?

Мужчина ядовито бросил взгляд на мальчика. Глаза его были полны какой-то звериной энергии. Словно то был шакал, который вцепился в добычу, которую даже не сам поймал. Он не намеревался уступить и бросился в словесный поединок.

– Теперь мой. Зачем ты его сюда бросил?

– Это случайно вышло. Ветер его подхватил и принёс сюда. Ваша машина, к счастью, затормозила его.

– Мне не очень нравится твой тон. Случайно вышло. Как это у тебя так получается?

– Извините, я буду внимательнее. Сегодня сильный ветер, вот его и унесло.

– Его принесло под мои колёса, а значит в мои руки, вот мне и решать.

Мальчик взволнованно закусил губу. Он ощущал такую сильную злобу от этого незнакомого мужчины, что невольно отпатывался при каждом его слове. Они вылетали как из автомата, делая мальчику всё больше. Он с тоской смотрел на маленький кожаный мяч, который с силой сжимал какой-то грубый человек без тени понимания.

– Что слёзы пустишь, чтобы меня разжалобить?

– И не подумаю, – едва сдерживаясь ответил мальчик и отвернулся.

Ему стало страшно. И он презирал себя за это. Винил себя в том, в чём на самом деле не был виноват. Это было зло, обычное зло, которое появилось из ниоткуда и бороться с ним не было сил. Он просто не видел, как выбраться из этого. Что может пятилетний против огромного взрослого амбала с угрожающим видом. Так уж вышло, что он худой мальчишка без больших кулаков и мускулов в пол тела.

Мальчик грустно шагал, собирая ногами окрестную пыль. Дела ему до этого не было, а все мысли устремились к моменту первой фразы. Он думал, как мог поступить иначе, что поменял бы в их диалоге, как бы исправил ситуацию. Но от него здесь ничего не зависело. Это было зло, просто зло, которое появилось внезапно и не думало униматься.

Вдруг он почувствовал сильный удар по голове. Он вздрогнул, закружилась голова. Стало сложно ориентироваться в пространстве. Сила удара оказалась куда большей чем ожидал водитель фиата, швырнувший мяч в спину ребёнка. Этого хватило, чтобы свалить мальчика с ног.

Ребёнок больно ударился о землю, с грохотом упав на живот. Поднявшийся столп пыли на несколько секунд скрыл произошедшее. Затем раздался крик. Это была мама и она вернулась от соседки, с ужасом увидев, что произошло с ребёнком. От неожиданности и потрясения она выронила из рук горшок с прелестным жёлтым цветком. Тот громко ударился о край проезжей части и тут же треснул. Цветок не пострадал, но земля мгновенно высыпалась.

– Хайме! Что случилось? Сынок! Ты жив? Я иду, милый! Я здесь! Потерпи немного!

Она летела со всех ног, не зная, что и думать. Только бы всё было хорошо с маленьким сыном. Кроме него у неё ничего нет.

Женщина поравнялась с местом маленькой трагедии и увидела ребёнка. Он не плакал, но выглядел так, словно вот-вот потеряет сознание. Мама испуганно подняла его, положив руку на грудь. Мальчик дышал и это её чуть успокоило. На одежде ребёнка были большие пятна от земли и травы, глядя на них она с ужасом представила, как сын упал.

Злополучный водитель ещё какое-то время стоял, удивлённо наблюдая за последствиями своего поступка. Он испугался, чувствуя, что сейчас его заметит мать ребёнка. Придя в себя, незнакомец поспешил сесть в машину. Как назло, она заглохла. Казалась сама судьба пытается его наказать.

Женщина с волнением смотрела на сына и предполагала, как всё было. Не мог же он сам так сильно расшибиться, да ещё и мяч был за его спиной. Не поскользнулся же он...

Мальчик приоткрыл глаза и прошептал:

– А... – не в силах произнести что-то внятное он кивнул головой в сторону машины.

Она ничего не поняла и решила, что нужно просто скорее идти домой и оказать мальчику первую помощь. Мама отряхнула его одежду и поцеловала в лоб. Такой беззащитный малыш и зачем она оставила его. Ведь знала же, что когда-нибудь такое может случиться. Чувство вины съедало её целиком изнутри. Только бы с ним всё было хорошо. Только об этом она и могла думать.

Мама придерживала малыша за плечи, чтобы тот не упал. Понести она его не могла, худые руки были слишком слабыми для этого. Она прошла несколько метров, и мальчик взволнованно задёргался.

– Что такое? Хайме, я ничего не понимаю.

Мальчик вдруг вырвался из её рук и поковылял в сторону злополучного автомобиля. Водитель всё ещё разбирался с зажиганием. Фиат по-прежнему выглядел зловещим и огромным, но мальчик словно перестал обращать на это внимание, набравшись мужества.

Мужчина заметил его. В глазах сверкнул ужас. Сейчас всё вскрыется и ему несдобровать! Водитель вдруг вскочил, вылез из машины и резко вытащил пистолет. Мальчик продолжал идти к нему. Через секунду дуло пистолета оказалось прямо перед лицом мальчика. Мужчина отчаянно вцепился в ствол, и вот-вот мог выстрелить. Даже не потому что хотел, а от страха, от осознания, что чуть не убил мальчика. Но вместо раскаяния он ощущал тревогу, чувствовал, что уже не отмоется. Это мгновение, казалось, длится целую вечность.

Мама подбежала к сыну и обхватив руками повалила на землю. В тот миг она не знала, может ли он действительно выстрелить. Но на раздумья не было и лишней секунды.

– Ты ничего не видела. Бери ребёнка и убирайся! И попробуй только кому-нибудь сказать.

Голос этого человека навсегда отпечатался в голове мальчика. Эти грубые, полные животного рычания, звуки сотрясали воздух. Вокруг было так неуютно и странно. Будто за пару мгновений этот человек разрушил всё, что на протяжении пяти лет выстраивалось в голове ребёнка. Кубик за кубиком, возникали целые здания и дома, которые, казалось, рушатся и с грохотом падают на горожан. Всё это перестало существовать. Он за секунду вырос под ужасающий грохот выстрела.

Ребёнок рос, но из головы никак не выходили буквы и цифры номера машины. Станным образом они словно отпечатались в его голове, были вбиты в неё словно гвозди. Он помнил каждую, а ещё лицо. Злополучное мерзкое лицо, принадлежавшее даже не человеку, а чудовищу.

Спустя несколько лет он нашёл адрес злополучного желтозубого водителя. Это оказалось не трудно, даже несмотря на прошедшее время. Он пришёл в полицию с выдуманной историей про нападение. Пришлось даже царапнуть себя ножом по щеке для пущей убедительности. Он назвал номер, полиция пробила его по базе и быстро нашла владельца.

Жозеф Кунц. Поистине, неприятное имя. И лицо, он вновь увидел его на экране компьютера и абсолютно точно узнал. Он всё ещё ездил на своём тёмном фиате и не слишком изменился в лице. Даже странно, не боится продолжать ездить на той же машине. В полиции пообещали навестить к нему с визитом, чтобы провести допрос и задержать в случае виновности.

Здесь ему пришлось импровизировать, и он отвлек полицию уронив якобы случайно стопку бумаг на краю стола. Один из полицейский встал, чтобы посмотреть, что упало, второй тоже отвлекся из-за шума. Парень мгновенно воспользовался этим моментом, чтобы подсмотреть адрес. Готово. Ральфен, 43.

Затем пришлось наплевистить про неотложные дела, и парень покинул участок. Он надеялся, что они ничего не поняли и в худшем случае наведуются к этому к Кунцу в гости с проверкой. В лучшем, просто забудут об этом деле, за неимением чего-то весомого.

Он спешил, торопился найти этот дом, узнать о нём ещё больше. Улицы сменялись одна за одной, парень совсем не отдыхал, дыхание перехватывало от нетерпения. Найти, узнать правду. Найти способ наказать виновного, сделать это по-своему, так как это может сделать ребёнок – тот самый, что остался внутри него и все эти годы желал отмщения.

Перед ним открылся шикарный вид на большую усадьбу. С первого взгляда можно было поразиться тому, какое количество денег вложено в это место. Перед домом растелилась длинная лужайка, по которой правда не носились дети (он и не сомневался, что у этого Кунца их

нет). Салатовый цвет придавал месту особую, даже немного неуютную атмосферу. Словно всё здесь было из картона или пластика. Фальшью разило от каждого идеально обрезанного куста.

Дальше располагалась беседка с массивным столом из дорогого дерева. Наверняка за ней сидели лишь самые близкие. Оформление напоминало особняки из фильмов, где обязательно имелась лужайка, площадка для гриля и теннисный корт (последнего не было). Парень осторожно проследовал к дому, минуя забор и оглядываясь в ожидании хозяев. Странно что такой богатый человек не позаботился об охране. Немолодой пёс на привязи – единственный, кто хоть как-то стерёг дома. Однако и тот не сработал как надо, пропустив чужака.

Парень затаился у веранды, присев на мокрую от росы траву. Красота здесь казалась мёртвой и больше пугала неестественностью, нежели радовала глаз. Наверное, можно ко многому привыкнуть, если ни ко всему, но без уюта даже самое роскошное имение едва ли станет настоящим домом. Они с матерью всегда жили в небольшом доме, не прося о большем. Вместо лужайки у него имелся неплохой вид на дорогу, где обязательно что-нибудь происходило. Со временем он попросту перестал сравнивать свой дом с чужими. Ведь это был его дом, дом его мамы, а значит без сомнений самый лучший.

Послышался шум автомобиля. Тот самый чёрный фиат. Злополучный автомобиль, разрушивший его жизнь. Он набрал воздуха в лёгкие от волнения. Мальчик внутри него так и рвался в бой, желая выскочить и как следует воздать Кунцу по заслугам. Но разум чётко давал понять, что поступать так точно не стоит. Глупая бравада приведёт лишь к не менее глупому аресту или потасовке. К тому же Кунц наверняка всё ещё носит с собой оружие и не применит использовать его. А тут он на своей территории и потом пойдёшь докажи, что просто забрёл не на свой участок.

Мужчина громко хлопнул дверью и затем закашлял. Затаившийся гость чуть заметно выглянул, чтобы оценить обстановку. Кунц не спеша вытащил из машины большой продуктовый пакет, видимо возвращался из супермаркета. Он словно и не постарел за эти годы. Те же неприятные черты, те же полные холодного безразличия глаза. Ничто в нём как будто не поменялось, словно он и не был человеком.

Руки парня сильно вспотели от ожидания. Он посидит так ещё несколько минут и затем уйдёт, иначе желание отомстить перевесит на весах любую здравую идею.

Кунц не спеша прошёл к дому, затем поставил покупки на скамью, стоявшую у входа. Затем достал ключи от жилища и привычным движением отворил дверь. Занеся пакет, он бросил взгляд на лужайку. Не шастал ли тут кто-то в его отсутствие? От пса уже давно нет толку, только и может что еду просить.

Убедившись, что никого нет поблизости, Кунц закрыл входную дверь и занялся привычными делами. Непрошенный гость тем временем наблюдал за этим в ближайшем окне. Кунц суетливо раскладывал по кухне продукты. Всё сам, дома никто не ждёт. Значит и оплакивать его никто не станет. Парень поразился своим мыслям. Боже, неужели он всерьёз намеревался убить его?

Детская обида в очередной раз накрыла его, но сдержав натиск эмоций он отринул это. Он не такой, он не зло. Но если переступит черту, если сам станет на его место, то уже никогда не будет прежним, не отмоется от липкого воска смерти. Нужно уходить, именно сейчас именно тогда, когда предоставляется такой шанс. Если он войдёт, то останется незамеченным, подкрадётся сзади, ударит Кунца чем-нибудь и мгновенно скроется. Всего несколько секунд и, кажется, многолетняя боль утихнет.

С этими мыслями парень немедленно решил покинуть усадьбу. Ещё пара минут и он действительно сделает что-то, о чём сильно пожалеет. Он быстро пересек территорию перед домом, стараясь идти при этом без лишнего шума. Стоит ему издать звук, и хозяин усадьбы выскочит, чтобы пристрелить его без какого-либо промедления. В этом сомнений нет, ведь тогда он выстрелил, а сейчас находится в даже более выигрышной ситуации.

Подойдя к забору, парень заметил нечто, что сильно привлекло его внимание. Рядом с ним лежал потускневший баннер, выцветший на солнце. Он не удержался и раскрыл его, чтобы рассмотреть. На нём большими буквами было написано «Грайм Рох» – эти два слова иголкой впились в его сознание. Теперь он словно понял, что нужно делать и как всё повернуть. Осталось узнать, что это за название, и разузнать про него побольше.

Не сдержавшись, парень грубо порвал баннер, вцепившись в один из краёв. Название «Грайм Рох» – разделилось надвое, провело черту, после которой и его жизнь не была прежней. Он покинул усадьбу человека, сломавшего его жизнь, уничтожившего единственное ради чего, стоило жить. С тех пор начав свой длинный путь к отмщению водителю огромного чёрного фиата Жозефу Кунцу, застрелившему его маму.

НЕЗНАКОМЕЦ

1

2004. День выдался непростой и Хайме, уже почти без сил плёлся на небольшой перрон. Светлые волосы сразу выдавали в нём среднестатистического европейца. Таких как он обычно не было заметно в большой толпе. Он просто существовал, плыл в этом потоке. Никаких иллюзий не строил, полагаясь лишь на собственные силы. Раньше его беспокоил данный факт, но со временем пришло понимание, что ничего не изменишь. Хайме дошёл до мысли, что путь, на котором он стоит, отныне есть тот самый, который ему уготован. И не будет другого.

Девятнадцать лет назад он лишился матери, той женщины, поддерживавшей в нём силу долгие годы. Уход её был таким тихим и печальным, что Хайме лишь со временем осознал, чего лишился. Какое-то время парень прибывал в прострации. Всё вокруг плыло, как в каком-нибудь дурном сне. Люди существовали поблизости, но до них ему не было дела. Они о чём-то просили, давали советы и утешали, а он просто не понимал, что происходит и куда несётся поезд его жизни. Машинист состава даже не был в курсе, по какому маршруту движется.

С тех пор он лишь сильнее понял, что большинство людей его бесит. Не просто не нравится, а раздражает. И он решил не обращать на них внимания, сосредоточившись на небольшом круге общения, предпочитая семью и пару друзей вместо этого. Хотя из родных осталась лишь бабушка. А друзьями он едва мог назвать пару случайных знакомых и коллегу с работы.

Хайме уже не первый раз так задерживался на работе. Иногда смены длились больше 24 часов, и он с печалью замечал, как карьера крадёт время его жизни. Оно беспечно убежало, что не могло не тревожить. Хайме было свойственно много беспокоиться, нервные срывы на рабочем месте выродились в почти непрекращающуюся апатию. В дневное время на заводе «Грайм Рох», где он трудился охранником, мелькало множество людей. Но к вечеру их смены кончались и Хайме оставался один на один с большим зданием. Разве что пыльные станки составляли ему компанию. Говорить с ними не нужно, вопросов не задают, не раздражают – красота.

«На перроне привычно пусто» – отметил он про себя. Надо сказать, что его такой расклад ничуть не беспокоил, даже наоборот – помогал чувствовать себя комфортно. Само здание вокзала представляло небольшую постройку, с кассовыми окнами, стендом для объявлений и расписания, а также парой скамей, для ожидающих. Рядом, через рельсовые пути, располагалось ещё несколько скамей. Периодически на них кто-нибудь спал, источая не самый приятный запах. Впрочем, такие персонажи Хайме бесили не сильнее, чем какой-нибудь назойливый коллега по работе. Эллард, например. Его Хайме просто не переваривал. То был любитель командовать, не вникая в суть. Просто приходил посреди рабочего дня, начиная критиковать всех. «Вы ничего не умеете. Я сам всё сделаю» – коронная фраза Элларда, от которой Хайме приходил в бешенство. Удивительно, но даже ему, охраннику, приходилось выслушивать неуместные и нелепые замечания. А ведь он просто наблюдал за тем, как сотрудники собирают новый прибор или чинят станок. Наблюдать Хайме любил. Так ему было веселее, можно было скоротать время, ведь на «Грайм Рох» кажется никто не собирался покушаться. Да и брать там особо нечего. Кому нужны руки и ноги кукол, даже не собранные воедино? Разве что красть сами станки. Но они слишком тяжёлые, даже для группы воров или целой банды.

Хайме начал беспокоиться, поскольку привычного поезда на «00:30» не было. И куда он мог запропасться? Можно уточнить у кассиров, но последний из них закончил работу полчаса назад и ушёл домой. Очевидного решения не находилось. Парень выдохнул и нервно стал тереть ворот куртки. Он часто так делал, когда ситуация выходила из-под контроля.

Это то ли его успокаивало, то ли отвлекало. Впрочем, спустя пятнадцать минут ничего так и не поменялось. Он всё ещё сидел на пыльной скамье, освещаемой лишь тусклым фонарным светом.

Никакого другого транспорта здесь не было. Своей машины у Хайме не имелось. Он жил один и не то чтобы нуждался в ней. Хотя в данный момент очень жалел, что её нет. Такси сюда не закажешь, слишком далеко от города. Да и не очень-то он доверял этим водителям. Как и в целом большинству людей.

Пара знакомых, которые могли бы его выручить, почему-то не ответили. Он потратил почти всю мелочь на телефонную будку, а никакого толку. Да и Хайме сомневался, что они вдруг сорвутся посреди ночи, чтобы приехать за ним. Так что он решил, что ещё немного подождёт, а если поезд так и не объявится, то направится в ближайшее поселение, попросит о ночлеге. Не хотелось бы вступать в контакт с людьми, но что поделать. Перспектива ночевать на скамейке не очень-то радовала. Куртка из замши не особо грела, скорее лишь прикрывала от ветра. Да и откуда ему было знать, что обстоятельства сложатся именно так.

Его терпение иссякло, прохлада ночи вступила в свои права и охватила всё вокруг. Вокзал напоминал старые потёртые фотографии, такой же повидавший виды и мрачный. В крошечной тишине Хайме будто слышал отголоски уехавших поездов, ему мерещились разные шумы и голоса. То ли это усталость после рабочего дня, то ли шутки мозга. От скуки и усталости парень решил осмотреться. За несколько месяцев работы он так ни разу не погулял здесь, не посмотрел на окружающие виды и не дал этому месту шансов себя покорить.

Хайме не спеша побрёл вдоль путей, разглядывая всё вокруг в тусклом свете фонарей. Пыльные скамейки стройной аллеей выстроились перед ним. Этот величественный строй растянулся на несколько десятков метров. Между ними мелькали мусорные баки, в которые не слишком аккуратно пихали всё подряд, от банок до одежды. На одной скамье Хайме приметил вещичку. То была странная открытка. На ней был адрес «Вальберген, улица Кракенфельд, 19».

Уставший Хайме сильно удивился, прочитав название. Он так часто был здесь, но никогда не слышал ни про какой Вальберген. И что это за место такое? И где это? «Вопросов больше, чем ответов» – заключил он. Присев на скамью, парень принялся вертеть открытку, исследуя её с разных сторон. Такая старая и помятая, но всё ещё прекрасная в своей простоте. Особенно его порадовали разрисованные края. На них были разные рисунки с морскими животными. Правда Хайме смог узнать лишь кита, остальные были сильно размыты и почти стёрлись. И сколько же это пролежало тут?

В дальнем конце вокзала мелькнул силуэт. Хайме пригляделся, чтобы рассмотреть получше. Но ничего кроме контуров не удалось увидеть. Он предположил, что это какой-нибудь рабочий вокзала, который ночами обходит территорию, собирая мусор и проверяя, что вокруг порядок. Сильное любопытство овладело Хайме, и он пошёл навстречу этому силуэту, попутно сложив загадочную открытку в карман. Быть может ему удастся найти того, кому она предназначалась и вернуть. Всё равно ночь долгая, а делать нечего. Может заодно найдёт, где переночевать.

2

Хайме спешно следовал за силуэтом, а тот кажется перестал двигаться. В ночном воздухе ощущались ароматы железной дороги, какие-то химические запахи, которые, впрочем, не раздражали. Скорее ты ждал их, когда оказывался в подобном месте. Без них бы оно просто потеряло своё загадочное очарование. Тем временем до незнакомого силуэта осталось буквально несколько метров. Хайме уже неплохо мог разглядеть черты. Первое открытие, которое он сделал – перед ним женщина. Довольно худая и не слишком высокая. Скорее среднего роста, но фигуристая. В зелёных глазах её скрывалось что-то манящее, но притом зловещее. Впрочем, Хайме могло и показаться. В такой час чего только в голову не придёт.

Девушка, к его удивлению, не была одета в форму одного из вокзальных служащих. Выглядела скорее, как обычная жительница местной деревушки. Довольно большая кофта, впрочем, не могла скрыть её худобу. Хайме давненько не видел вязаных кофт, причём он был уверен, что она связала оную сама. Девушка не замечала его, либо же делала таковой вид. Она что-то заинтересованно рассматривала в полутьме.

Хайме аккуратно подошёл и встал рядом, чтобы узнать, что она там высматривает. Теперь-то она уж точно его заметила. Парень вновь подивился её зелёным глазам, они так выделялись посреди темноты и очаровывали глубиной. Ему стало немного неловко, вдруг он слишком пялится и ей это не очень понравится.

Она, опираясь на перила глядела куда-то вдаль, где горели еле заметные огни.

– Добрый вечер. Извините что тревожу. Так уж вышло, что я остался здесь, так и не уехав домой.

– Я бы сказала уже ночь.

– Что ж, вы правы. Так вот я к чему. Мне нужно узнать, где здесь можно остаться на ночь. Я не местный и ничего не знаю об этом поселении.

– А имя-то у вас есть? – она оценочно оглядела его.

Выглядел он и правда как-то инородно. Наверное, правда не местный. А ещё эти глаза. Они были такого непривычного цвета. Жёлтые? Ей не кажется?

– Хайме меня зовут. А ваше имя можно узнать?

Она чуть загадочно кивнула.

– Лу. Да меня так зовут. И сразу отвечая на вопрос, который вы следом зададите. Это моё полное имя. Не сокращение и не прозвище.

И как она угадала, что он захочет это спросить? Странная дама. Но что-то в ней есть.

– Хорошо, я всего лишь хочу где-то переночевать. Если вы знаете где, то буду признателен, если скажете.

– До самого поселения придётся пройти по берегу. В Вальбергене не так много людей, но думаю кто-нибудь вас пустит.

– А вы не оттуда?

– У вас много вопросов. А говорили, что только хотите переночевать.

Хайме ощутил, что девушка охотно с ним играет.

– Я из Вальбергена, но с людьми там мало общаюсь. Не очень-то мне они нравятся.

– Понимаю вас, тоже не особо люблю людей.

– «Вас»? Я же сказала, что меня зовут Лу.

У парня уже более или менее сложился в голове образ этой девушки. Осталось вывести ещё пару моментов и всё окончательно встанет на места. Это исследование немало развлекало Хайме.

– Лу, а что ты там высматриваешь?

– Там есть один огонёк. Его зажигают по ночам. Мне нравится на него глядеть. Прихожу сюда каждую ночь. Говорят, его зажигает старый моряк, который давно исчез.

– Может ты проводишь меня до места? Дорога мне неизвестна. Обещаю, мне можно верить.

Лу повертела головой в разные стороны. Хайме не знал назначения такого действия. Отблеск луны на секунду задержался на её щеке. Вокруг было также зловеще тихо и любой шум мог напугать до дрожи.

Девушка обернулась и кивнула. Они двинулись в путь, аккуратно шагая в полутьме. Вокзал правда всё не кончался, казался тянущимся куда-то далеко, за пределы пространства и времени. Его магическая красота завораживала даже в таком мраке. Ощущение было, словно переходишь в другой мир, открываешь тайную дверь – а там ещё сотни таких же.

Лу краем глаза поглядывала на своего попутчика. Чужаков девушка не жаловала, но не могла не отметить, что Хайме казался довольно приятным. Возможно, новый человек просто вызвал в ней интерес.

Молодой человек, да ещё и здесь, в их глухих местах, казался настоящим чудом. Да и ещё с такими глазами. Кто знает, может он способен что-нибудь поменять. Да даже просто попытаться, уже сам этот факт бы сильно порадовал Лу. Потому что улыбалась она не часто, бывало, что и за целый месяц не выдавалось такого повода.

3

Дорога стала освещаться луной, а окружающий лес распахнул свои объятия. Они шли, не спеша с горы, проходя десятки ровных, как солдат, ветвистых охранников. В их власти был весь зелёный отрезок берега и те гордо берегли его от нападков. Проходя мимо островков зелени Хайме замечал, как становится прохладнее. Его удивило, что Лу при этом не мёрзла. Девушка дважды ответила ему, что ей не холодно.

Они шли на почтённом расстоянии, но Хайме то и дело забывался, подходя ближе. Затем же, чувствуя, что расстояние между ними слишком уж мало, возвращался на исходную. Это была детская привычка, идти не прямо, а чуть наискосок, прижимаясь к рядом идущему. Мама часто посмеивалась над этим, хоть и говорила, чтобы он помнил о других людях. Ведь она-то всё понимает, но другие могут и не понять. Ей не хотелось ломать индивидуальность сына, но нужно было как-то приучать его к социуму. Мир вокруг не был так прост и дружелюбен. Так Хайме, даже спустя столько лет, помнил о разных моментах из детства, и многие «те» привычки следовали за ним через года.

Они дошли до самого берега и повернули налево. Их встретил небольшой покосившийся указатель. На кривом изделии из досок красовались полустёртые буквы. «Ва бе ен», которые при должном воображении складывались в «Вальберген». Время не пощадило некоторые буквы, так что их можно было только представить.

Рядом с водой было светло, а ещё как-то свежо. Хайме с интересом заметил, что давно не выбирался на природу. Пусть и при таких неприятных обстоятельствах, но он таки гуляет по лесу. Это куда приятнее рабочей смены на «Грайм Рох». Там за день он словно проживал целую жизнь, время тянулось ужасающе медленно. Эти годы работы там, превратили юного подающего надежды юношу в усталого старика без мечт и желаний. Хотя ему было не так уж и много лет.

– Скажи, Лу, а почему ты живёшь здесь?

– А что, есть другие места?

Хайме хмыкнул и поправил ворот куртки.

– Я как-то хотела уехать. Но ничего не вышло. Поезд... он не приходит.

– То есть как не приходит?

– Я жду его каждую ночь, а его нет.

– Может есть тот, что ходит раньше?

– Нет, таких нет. Он всегда в одно и то же время приходят. И говорят один раз кто-то уехал на нём.

Парень с тревогой оглядел спутницу. Может она не здорова? Городская сумасшедшая? Ну точнее сельская. Тут он про себя рассмеялся, даже в такой ситуации юмор мог быть уместным. Не спит же он?

– Ты либо принимаешь всё как есть, либо тебя ждёт что-то не очень хорошее. Здесь порядок свой. И раз уж решил прийти к нам в гости, соблюдай правила.

– Хорошо, но для начала расскажи об этих правилах.

Мимо пронеслось несколько птиц, правда в такой черноте их невозможно было опознать. Разве что по голосу. Но Хайме не обладал орнитологическими способностями. Если он и мог отличить кого-то из пернатых, то только сову от воробья. Хотя природа ему нравилась. В ней была такая естественная красота, ничего лишнего, никаких следов города и при этом тишина. Такое идеальное место для мыслей о разном.

Девушка спрятала руки в рукава кофты – всё же замёрзла. Правда она сделала вид, что ничего такого не произошло, так что Хайме даже не успел ничего сказать.

– Правила у нас простые. Всего я рассказать не смогу, нужно будет самому увидеть.

- Хорошо, расскажи хотя бы главное.
- Ну для начала будь готов, что люди не очень-то могут тебя принять.

4

Когда же они наконец придут? Хайме уже подустал идти, девушка же, уже видимо привыкшая к этому маршруту, и не подавала виду. Впрочем, он уж точно не хотел прослыть нытиком, так что молчал и лишь изредка вздыхал, обходя очередной торчащий из земли корень. Об один из них парень таки запнулся и шумно свалился на живот. Темнота оказалась не слишком дружелюбной. Лу заметно оживилась и кинулась к нему.

– Ты в порядке? – произнесла это, она потянулась к его ногам.

Хайме осматривал колени, которые побагровели от ссадин. Когда он дошёл до пальцев ног, то с ужасом обнаружил что один из них превратился в нечто неприятное. Удар пришёлся прямо на зону под ногтем, где ему было больнее всего. Лу достала фонарик из кармана и осветила кожу.

– Шевелить можешь?

– Могу, но с трудом. Далеко нам ещё идти?

– Минут пятнадцать. Но дорога затянется. Ты вряд ли сможешь шагать с прежней скоростью.

Хайме заметил, что она взволнована. Он не мог скрыть, что ему это приятно, пусть ситуация и не самая удачная. Девушка заботливо принялась отчищать рану синим платком с узором, который она достала из кармана. Когда Лу закончила, стало возможно разглядеть, каковы масштабы раны.

Когда кровь перестала так сильно течь, Хайме перевёл дыхание. Лу отключила фонарик и поспешила положить его обратно. Она не успела это сделать, так как парень поспешил остановить её:

– Погоди, дай посмотреть. Я не видел таких.

– Чего? – Лу перекосило, она неохотно протянула ему фонарик.

Станный какой.

– Откуда у тебя он?

– Да чего ты пристал. Это папин. Что ещё хочешь узнать из какой стали сделан?

– Да нет, просто интересно. Спасибо, кстати. Хорошо, что ты почистила рану.

Девушка не нашла что ответить и чуть растерянно кивнула. Слишком много он хочет всего сразу. Как мальчишка, честное слово. А ещё фонарик этот. А она ведь так не любит вспоминать про родителей. Столько лет прошло, и это единственное что от них осталось, но вспоминать про это она не любила. Слишком больно и тяжело, слишком много прошлого, мешающего двигаться в настоящее.

Хайме отчётливо заметил, что фонарик довольно старый, помимо изношенного корпуса, на это указывала и форма лампы, да и само оформление. Такие ему доводилось видеть лишь в старых кинофильмах про детективов и расследования. Какой-нибудь Хамфри Богарт или Берт Ланкастер регулярно мелькали на экране с такими приспособлениями. Видимо отец девушки хранил его много лет. Ну или получил по наследству. Хайме бы спросил, но похоже Лу не особенно расположена к такому разговору. Парень вернул ей фонарик, заключив что-то в духе «Интересная штукавина». Впрочем, собеседница никак не отреагировала на это, сложив предмет на место.

Загадочная спутница взвалила руку раненого на плечо, так чтобы он мог как следует опереться. Убедившись, что тот крепко держится, она не спеша продолжила идти. Хайме несмело переступал с ноги на ногу, стараясь не задевать искалеченный участок. Он испытывал сильную неловкость, от того, что девушке пришлось его тащить. Внутренний голос словно отчитывал Хайме, дескать как же так, такой взрослый сильный мужчина вынуждает тащить

себя девушку. Но при этом раненный бедняга понимал, что без этой её помощи ему не справиться. Вокруг не то чтобы много людей, желающих помочь, как и людей в принципе.

5

Они прошли ещё несколько сотен метров, и девушка посадила Хайме на землю. Руки её сильно устали, со лба выступил пот. Она присела рядом. Наверняка не так ей представлялась обыденная вечерняя прогулка под звёздным небом. Правда Лу кажется смирилась с обстоятельствами и смотрела на происходящее чуть проще, чем ещё полчаса назад.

– А ты моряк? – вдруг выпалила девушка, уставившись на своего спутника.

– Почему я должен быть моряком? – растерянно ответил Хайме.

– Да я так спрашиваю. У нас тут все или моряки, или китобои. Ну есть ещё те, кто из китов одежду шьёт. Морское поселение, как никак.

Парень всё меньше понимал, что происходит. Какие киты? Откуда они здесь? Он что бредит? Или может она не в порядке?

– Нет, я охранником работаю на фабрике. «Грайм Рох», может слышала.

– Никогда не слышала, – Лу покачала головой и тут же чуть подняла рукав кофты.

Хайме отчётливо разглядел небольшую, но заметную морскую татуировку. Своеобразный символ в виде гарпуна красовался прямо над кистью. Краска чуть стёрлась, но узнать моряцкий прибор вполне можно было. Парень вдруг ощутил, что его ноги мёрзнут на холодной земле. Он чуть съёжился, чтобы избавиться от дрожи.

– Таким гарпуном пользовался мой отец. Я просила его что-нибудь мне дать поиграть. Но он ничего не разрешал. Крюки слишком опасные, а леска слишком дорогая, чтобы дать поиграть маленькой девочке. И тогда он сказал, что, когда кожа станет погрубее, сделает татуировку, как у него. Я с интересом ждала, когда же наступит то самое взросление. И вот мне было лет шестнадцать, и он позвал в свою лодку. Я ничего не ожидала в этот день. Он взял мою руку и аккуратно осмотрел над кистью. Затем уточнил, правда ли я хочу этого. Я кивнула без лишних колебаний.

– И он набил тебе её по-настоящему? Наверное больно было. Я что-то так и не решился сделать.

– Я визжала, будто котёнок с прищемлённым хвостом. Но терпела. Не могла же я показать папе, что мне страшно. Просто сидела и смотрела, как он рисовал эти линии. Он очень старался, ведь то не была рука одного из его дружков с пропитыми рожами, а моя, рука его дочери.

– Это очень красивый рисунок. И видимо очень важный, раз ты так хорошо запомнила всё.

– Знаешь, с того дня мы не виделись долгое время. А потом его не стало и, кажется, единственное, что осталось в моей памяти – его руки, аккуратно выводящие чернилами рисунок.

Она заметно побледнела, напомним ему спрятавшуюся от дождя птицу. И эти зелёные глаза впервые с момента их знакомства наполнились печалью. Хайме понял, что если перед ним и странная девушка со своими демонами, то как минимум совсем неплохая. В свете луны Лу даже казалась ему симпатичной.

– А я лишился матери 19 лет назад.

Девушка не нашла, что ответить и свела уголки губ, изобразив печаль. Несмотря на это, Хайме не обиделся, скорее просто в очередной раз вспомнил обстоятельства того дня, когда в последний раз видел маму. Да и что ему об этом должна сказать случайная знакомая?

Они ещё немного посидели, слушая разные тревожные шорохи в кустах и на деревьях. Где-то пробежали мелкие звери, которые обязательно задевали листья, или скребли кору. Привычная лесная суэта заставляла внимательно прислушиваться. И самому внимательному открывались разные тайны, сокрытые за многолетними лиственницами и дубами.

А ещё совсем рядом шумело море. Его прозрачные воды приятно манили. По ним аккуратным шагом проходили лунные лучи. Их дружный строй словно патрулировал море, наблюдая за тем, чтобы никакой чужак не нарушил идиллию, не разрушил хрупкую гармонию места.

6

Идти стало сложнее и если бы не помощь Лу, то Хайме бы вряд ли прошёл так много. Двигаться им, впрочем, приходилось не спешно, чтобы раненный успевал отдыхать между шагами. Заботливые руки девушки аккуратно поддерживали беднягу, при этом Хайме старался не слишком наваливаться, дабы не усложнять ей задачу. Достаточно и того, что она помогает первому встречному, о котором почти ничего не знает. Так что Хайме как мог делал всё сам, пытаясь сохранить остатки самообладания.

Они добрались до некой развилки. Перед ними рисовалось два пути, один прямо в чащу, а другой вдоль берега. Прежде чем Хайме успел спросить, по какому они пойдут, девушка уверенно пошла вторым путём. Мысленно парень был рад, что им не придётся идти через не самый дружелюбный ночной лес. Лу предупредила его, что периодически нужно будет пригибаться, чтобы какая-нибудь ветвь не угодила ему прямо в лицо.

Он послушно кивнул на это и один раз всё же встретившись лицом с указанной опасностью, стал повнимательнее. Девушка едва заметно улыбалась этому, от чего в Хайме боролись две крайности. Неловкость встречалась со смущением, на выходе приводя раненного в ступор. Словно рана пришлась не на ногу, а на голову.

У большого камня они ненадолго остановились и Лу указала пальцем на видневшийся угол здания в нескольких сотнях метров. Хайме догадался, что там и находится тот самый Вальберген. С виду это был довольно обычный сельский дом, разве что немного выделявшийся своей ветхостью. Будто перед ними находился памятник культуры или музейный экспонат. Такой пример сельской архитектуры прошлого.

Хайме в свете луны понял, что скорее всего весь Вальберген выглядит примерно так. Дома вокруг, словно заражённые болезнью, сильно перекошились и выглядело печально. Крыши у многих прохудились и наверняка совсем не грели в холодные месяцы. Такие парень видел в детских книгах, где злодеи зачастую жили в подобных невзрачных зданиях. От них буквально веяло духом таинственного или даже волшебного мира. Но только мрачной его стороны, где всегда сыро и тревожно.

Навстречу им шёл неприятный старик в длинной куртке и с сединой. Он двигался медленно, словно плыл по поверхности. На руках его виднелись шрамы, вероятно полученные во время добывания кита. Хайме рисовались красочные картины. Он видел, как этот старый моряк хватает кита голыми руками и тащит на берег. Притягательный в своей жуткости, старик тем временем поравнялся с ними.

– Ну и кого сюда принесло? – обратился моряк с явным презрением.

Хайме ощутил какой-то холод внутри. Зелёные глаза старика пугали своей пустотой, из них будто выжали всю жизнь. Он смотрел на раненного и буквально высасывал его нутро.

– Чего ты пристал, Ларс. Он со мной. Да и не должен отчитываться перед тобой.

– А что он сам не говорит? Немой? – Ларс пристально оглядывал путника, не скрывая лихорадочного восторга.

Он явно давно не видел никого нового и с предвкушением хотел поскорее разузнать что-нибудь, напоминая в этот момент самого грязного падальщика, что без разбора клюёт и животных, и людей.

Ларс ядовито шикнул и плюнул. Кажется, ему хватило одного беглого взгляда, чтобы объявить Хайме войну.

– Всё это не понравится хозяину. Не надо его злить.

После этого неприятный старик ещё немного покосился и прошёл мимо. Край его куртки ударился о плечо Хайме, и это явно было не случайно. Ему дали понять, что ничего хорошего

ждать не стоит. Путника всё это привело в ступор, давно к его персоне не относились так враждебно, да ещё и без особой причины. К счастью, у него хотя бы есть союзник в лице Лу.

Хайме ещё некоторое время наблюдал, как неприятная фигура старика отдаляется, следуя по тропе, в сторону леса. Да уж, этот Ларс похож на человека, который любит уходить подальше от людских глаз в самую чащу.

7

Раненый ощутил, как гудят ноги, но, к счастью, поселение уже нарисовалось перед ними. Вблизи дома казались чуть менее отталкивающими, хотя всё также рождали в голове Хайме тревожные мысли. Оставалось лишь надеяться, что таких как Ларс здесь будет не так много. Лучше бы их и вовсе не было.

– Ларс он такой. Любит уйти посреди ночи в лес. Не знаю, что он там делает. Некоторые говорят, что он колдует. Впрочем, людям и их рассказам, конечно верить не стоит. Когда-то он потерял семью и похоже так и не оправился.

Они снова остановились и Хайме присел прямо на мягкую траву. По ней бегали мелкие насекомые, но парень их не боялся, даже наоборот любил, когда какая-нибудь букашка пробегает по его руке. С интересом он мог наблюдать за тем, как она маленькими лапками ступает по коже. И если мог, старался не раздавить, уважая эту маленькое, но всё же живое создание. Насекомые нравились Хайме куда больше людей. Они молча делали свои дела, трудолюбиво строили дома и сражались с врагами, в то время как люди, кажется, растеряли эту лёгкость и простоту, огородив себя кучей дорогих, но не нужных благ. По итогу же большинство просто теряло человеческий вид, привыкая к бессмысленному течению времени.

– Он тоже моряк, верно? – поинтересовался Хайме, разминая затёкшую руку.

– Как и все тут, – девушка развела руками.

Она на пару секунд наклонилась, чтобы сорвать что-то в высокой траве. Затем Лу изящно встала, держа в руке удивительной красоты цветок. Белые лепестки отсылали к чему-то нереальному, небесному. Таких Хайме не встречал в городских парках, да и за городом не видел. Видно, перед ним редкий вид, не иначе.

– Я люблю их рвать, так редко показываются. Обычно вижу парочку за всё лето.

– Что за цветы? Никогда не видел.

– Папа говорил, что они растут только у нас в Вальбергене. Может он шутил.

Девушка замолчала и задумчиво рассматривал сорванное сокровище.

– Так как их называют?

– Ландрос, – ответила Лу, аккуратно складывая цветок в карман.

– Можно взглянуть?

Лу переменялась в лице и с лицом испуганного ребёнка отказала.

– Зачем они тебе? Для чего? Гербарий собираешь?

– Нужны и всё, вставай, мы уже почти дошли. И не трогай его лишний раз – он ядовит.

Хайме понял, что сейчас ему лучше помолчать, видно он порядком утомил девушку. Они двинулись дальше, проходя по не очень ровно выложенной дороге из каменных плит. Кое-где из-под них выглядывала трава, которая то и дело намеревалась заполнить всё вокруг, но натькалась на непреодолимое препятствие.

Кое-где плиты уже сильно потрескались и, казалось, вот-вот совсем развалятся на части. Хайме ступал по ним осторожно, с любопытством разглядывая каждую. Индивидуальные рисунки интриговали его, давая волю воображению. То ему тут виделись очертания домов, то водная гладь, и будь он маленьким, несомненно бы задержался подольше, рассмотрев всё досконально.

Вальберген предстал перед ними в своём ночном облике. Место для города выбрали не лучшим образом. Хайме то и дело видел, как одни дома стоят выше, а другие ниже. Видно никто не собирался с этим разбираться при строительстве. В привычной ему городской среде бы сначала разровняли поверхность, добившись того, что фундамент будет на одном уровне и только потом строители бы занялись постройкой. Но Хайме, конечно, понимал, что поселение довольно старое, и скорее всего создавалось впопыхах. В таких местах дома нужны

простые и быстро возводимые, чтобы скорее спрятаться от холода и зверей. Понятное дело, что к двадцать первому веку речь не шла о каких-то аспектах выживания, но построенное осталось стоять на долгие годы.

8

Самый первый дом слева сразу выдавал личность хозяина. В разложенных во дворе рыболовных сетях, крючках и удочках сразу угадывался рыболов. Хайме заметил, что почти всё это было покрыто каким-то неприятным слоем липкой субстанции. Сначала он хотел уточнить у Лу, что же это такое, но потом самостоятельно догадался, что это слой ила, соли или разного морского налёта. Как раз вспомнилось, как в детстве они бывали на море с мамой и Хайме после длительного заплыва заметил на одежде странные белёсые следы. Мама долго не могла отстирать их, отчего мальчик запереживал, что они больше никогда не поедут на море. И вот, ему уже далеко не три года, и на море можно ездить каждый год, но почему-то с тех пор он так и не ездил.

Через некоторое время показался и сам хозяин снастей, в гигантских высоких сапогах и с трубкой. Сошедший словно с картины, он неспешно бродил по двору, в поисках какой-то вещи. «В таком бардаке попробуй что найти» – подумал Хайме и ещё немного задержался, с сильным желанием узнать, что же такое тот ищет. Оказалось, что массивный рыбак искал свой топор, с зарубками на рукоятке. Даже с такого расстояния в несколько метров Хайме хорошо мог разглядеть, как остро наточено орудие. Этим топором пользовались регулярно, и он знал своё дело.

Мужчина затем высыпал из сети прямо на траву её содержимое. На землю посыпалось несколько десятков средних и крупных рубин. Они, бешено крутя хвостами, отчаянно хватались за последние секунды жизни. Но их попыткам спастись не суждено было увенчаться успехом. Одну из них, которая брыкалась особенно сильно, рыбак схватил за хвост. Хайме подумал, что вряд ли бы ему такой трюк удался. Скорее всего в его случае всё кончится порезом от острых плавников.

Парень, глядя на это буквально ощущал это скользкое и даже склизкое ощущение, когда пытаешься удержать рыбку в руках. Однако рыбак делал это с таким спокойствием и равнодушием, что было очевидно – для него это ежедневный монотонный процесс. Такие люди просто делают то, что умеют, делают с максимальной отдачей и никогда не жалуются, даже если им тяжело. Он положил пару самых крупных рыб на большую доску, которая видимо служила для разделки, судя по засохшим следам на ней. С спокойствием затаившейся змеи он наносил удар за ударом, отрубая топором хвосты и головы у самых больших.

Затем то, что уже было пригодно для еды рыбак делил ещё на несколько кусков и клал в бочку, стоявшую неподалёку. Видимо там они хранились в соли и не портились. Хайме завороженный этим ждал, когда же этот суровый житель нанесёт очередной чёткий и безэмоциональный удар топором. От этого тупого звука становилось не по себе, но каждого нового ты ждал с нетерпением, будто слушал знакомую барабанную партию в песне, зная, что вот сейчас тот самый момент.

– Пойдём, – прервала молчание Лу, показывая Хайме на один из дальних домов.

– Да, идём, извини. Я смотрел что делает этот рыбак. Не каждый день такое увидишь.

– Дерек не любит, когда на него так пялятся. Так что лучше бы тебе его не злить. Он мало с кем разговаривает, но пару ласковых фраз в ответ с радостью выдаст.

«Дерек, надо запомнить» – подумал Хайме и поразился тому, как медленно тянется ночное время. От усталости уже подкашивались ноги и ныла спина. На последней смене в «Грайм Рох» пришлось лазить на крышу. Там он по неосторожности ударил спину и всё ещё чувствовал, как боль циркулирует внутри.

9

Хайме и Лу последовали дальше по дороге, глубже погружаясь в атмосферу загадочного места. Вальберген представлял собой обычную деревушку, каких немало в провинции. Однако особая тревожная аура не покидала это место. Будто бы от самой природы веяло чем-то жутким, отталкивающим по своей сути. Дома стояли безжизненно, воткнутые в землю без какого-либо порядка. Настоящая пытка для человека с хорошим вкусом и зорким взглядом.

На пути появилось здание чуть повыше, чем остальные, и Хайме принялся его рассматривать. Больше всего оно напоминало амбар, в котором хранилось зерно на корм скоту. Само по себе здание выглядело шарообразным. Деревянная основа стен особенно заинтересовала Хайме. Он подумал о том, как легко обычный пожар может в считанные секунды сравнять этот амбар с землёй. Оглянуться не успеешь, как от него останутся лишь щепки и зола. Не практично, в городской среде такое сложно представить. Пожалуй, такое возможно лишь тут, в деревушке, где время словно остановилось.

– А что это за здание? Амбар? Я правильно думаю?

Хайме уставился на Лу, в ожидании ответа.

– Раньше был. Сейчас тут проходят собрания.

– Так здесь у вас и самоуправление имеется? – подивился Хайме.

– Вроде того, – кивнула Лу.

Хайме ощутил в её голосе сильную усталость. Они шли уже пару часов и оба так и валились с ног.

– А я могу туда зайти? – поинтересовался парень, трогая руками дверь.

– Не стоит этого делать. Ты здесь ничего не знаешь. И пусть пока всё так и будет. Утром ты увидишь и узнаешь намного больше.

– Утром я отсюда уеду, – усмехнулся Хайме в ответ.

Оставаться тут надолго он был не намерен. С первыми лучами он пойдёт и уедет отсюда. На самом раннем поезде. И уже часов в девять окажется дома, в окружении родных стен. Сейчас он мог мечтать лишь об этом, ни что другое его так не заботило.

Они двинулись дальше. В следующем переулке стало заметно теснее, дорога стала уже и дома располагались так близко, что между ними с трудом было можно пройти. Интересно, как местные жители проходили там?

На сон оставалось уже совсем немного. Часа четыре от силы. Казалось, что солнце вот-вот начнёт всходить, прорываясь через облачные преграды, чтобы донести свой свет до всех вокруг. Хайме помнил, как мама однажды разбудила его посреди ночи, чтобы показать этот самый момент, когда начинает светать. Она поставила его на подоконник и указала на рвущиеся на свободу первые лучи. Мальчик замороженно смотрел на это, представляя, как какой-то небесный художник рисует это красками в реальном времени. Ему нравилось так видеть мир, надеясь, что всё именно такое, как он представляет.

От долгой ходьбы тело совершенно переставало слушаться, руки немели, а ноги казались ватными. К счастью, они наконец добрались до нужного места. Тут до Хайме дошло, что девушка таки решила пустить его к себе в дом. Что ж, он был рад, правда сейчас не в состоянии как-либо проанализировать такую резкую перемену. Видимо за время прогулки Лу убедилась, что ему можно доверять и решила пустить к себе. Его это устраивало, и он понял, что должен вести себя максимально тактично, не злоупотребляя доверием своей новой знакомой.

Во дворе дома можно было увидеть привычные морские принадлежности, которые очевидно достались девушке от отца. Разные сети, лезвия и даже лодка, лежали без какого-либо порядка. Видимо с тех пор, как Лу осталась одна, эти вещи более не пригождались. Правда

и выбросить она их не могла, так как это была память. Как и в случае с татуировкой, такое можно было вырезать лишь вместе с кожей и добровольно бы она такого не сделала.

Ещё одной важной деталью был сад. Небольшой, но радующий глаз; он вызывал лёгкий диссонанс. Пока всё что видел в Вальбергене Хайме – жутковатые следы промысла, покосившиеся дома и неприятные люди. Посреди этого сложно было представить такой красивый и приятный пейзаж, пусть и не идеальный. Каждый куст бережно обрабатывался, немного неуклюже обрезанные листья вызывали какую-то теплоту. словно речь шла о работе ребёнка, который ещё немного умел, но делал всё от чистого сердца. Сад состоял из нескольких рядов растений. В основном здесь были разные цветы, из которых Хайме знал лишь ирисы. Их он видел в школьном учебнике биологии. На уроках парень не отличался внимательностью, так что вместо того, чтобы внимать слова учителя Корвина, тот листал учебную книгу и разглядывал картинки.

Лу зажгла фонарь, который висел на улице, чтобы озарить пространство рядом с домом. Перед её спутником открылся вид уютного здания с резными окнами. Сам дом был построен из простых брёвен, которые ладно соединили воедино. Хайме не удивится, если отец Лу сам его поставил. Он был уверен, что это сильный и волевой человек, в одиночку способный и не на такое. Своего отца Хайме не знал и потому чувствовал, как ему нравится этот сильный образ родителя, который обрисовала Лу. Хотел бы он так рассказывать о собственном папе, но увы.

Взойдя по ступенькам вслед за девушкой, Хайме оказался внутри дома. Девушка зажгла свет и перед ними открылось убранство скромного жилья. Кровать напоминала Хайме подобную из детского лагеря, жутковатые пружины в детстве его забавляли, а сейчас же скорее пугали. Стол и стулья располагались рядом, особенно выделялось то, что их соорудили из дерева. Хайме буквально видел на них следы сруба и разные сопутствующие круги, которые неизменно украшали каждое дерево. На столе располагались элементы посуды. Ничего особенного, стандартная такая утварь. Одна из ложек была сильно погнута и Хайме, уже полусонным голосом спросил:

- Что это с ней приключилось?
- Ничего такого. Она просто погнута.
- А зачем хранишь? Или может её можно обратно вправить?
- Не надо ничего с ней делать.
- Ладно, не злись. Я просто любопытствую.
- Это ложка моего брата.
- Так у тебя есть брат.
- Был, но теперь вот нет его. Ложку он сам погнул. Мне жаль её выкидывать.

Хайме сильно пожалел о своей бестактности. Его лицо стало красным. Ни один человек в «Грайм Рох» не мог застать Хайме врасплох. Какая бы ситуация на фабрике не была, он как-то умудрялся игнорировать замечания Элларда и не слишком приятные отзывы от других коллег. Он просто прибывал в некоем вакууме. Их слова не трогали его, не доходили, оставаясь где-то за пределами гигантского пузыря, который он себе придумал. А этой девушке, с которой они знакомы несколько часов, удалось вдруг поставить его в такое положение. Удивительно.

- Я совсем не хотел обидеть тебя, Лу. Прости.
- Я не обижаюсь. Просто не трогай тут ничего.

10

Девушка показала Хайме небольшую комнату, где ему предлагалось разместиться. Парень надеялся, что это его первая и последняя ночь в Вальбергене, так что почти не обратил внимание на окружение. А между тем комната обладала своим шармом, налётом старины. В резном деревянном комодке было много книг. Все они были тщательно рассортированы по алфавиту. Никаких ярких обложек, всё просто и даже строго. Видно печатались они тогда, когда в моду ещё не вошли цветастые книги с красивым оформлением. Тогда бумажные сокровища не нуждались в роскошном оформлении, хватало того, что имелось в содержании. В ближайшем к Хайме книжном магазине уже нельзя было найти те самые старинные книги. Обычно там на полках красовались самые новые и дорогие экземпляры, но лишённые души. А в старых книгах же каждый миллиметр создавался с такой любовью, что едва ли можно было упрекнуть издателей в желании нажать на ком-то. Даже пахли они совсем иначе. Приятный, хоть и резковатый запах чётко ассоциировался с духом ушедшего времени.

На стенах виднелись разные портреты, где можно было узнать Лу. Уже лёжа в твердоватой кровати Хайме рассматривал их. На одном из снимков она, будучи маленькой, сидела на коленях у отца и сильно улыбалась. Тот же выглядел сильно сдержаннее, хоть и тоже радовался. Слева же стоял брат, который выглядел отстранённо. В его взгляде читалось что-то беспокойное, будто он вот-вот взорвётся. И у каждого из них зелёные глаза. В очередной раз эта загадочная деталь. Что бы это значило?

На стуле парень заметил висящую куртку, и он вдруг с тревогой подумал: «А не комната ли это отца Лу»? От этой мысли стало как-то неуютно. Скромность же остального интерьера лишь укрепила его догадки. Скупое убранство, которое ограничивалось комодом, стулом, кроватью и тумбочкой. Если бы не фотографии, то вряд ли бы и промелькнула мысль, что в комнате кто-то жил, так в ней сильно ощущалась пустота и какая-то отрешённость.

Свет за окном долго не давал Хайме уснуть. Он без конца ворочался из стороны в сторону, в поисках удобной позы. Так продлилось часов до пяти утра, пока усталость таки не взяла верх. Хайме заснул в странном положении, когда одна рука служила своего рода подушкой для головы. Он никогда не издавал во сне громких звуков. Когда парень спал – казалось, что он без сознания, настолько тихим это было. В детстве мама иногда пугалась этого. Иной раз мальчик словно вовсе не дышал, и она в панике будила его, чтобы убедиться, что всё в порядке.

Спалось, несмотря на непривычность, Хайме довольно комфортно. Ему даже запомнился сон, где он собирал ракушки на берегу, идя вдоль морского берега. Мимо пролетали птицы, которые что-то искали в песке своими гигантскими неповоротливыми клювами. Одной из них даже удалось раскопать что-то живое. Правда Хайме уже не мог вспомнить что именно, да и в самом сне с трудом различал. Прохладный ветер, который весь сон не спеша следовал за ним, словно проник и в реальность. Проснувшись, парень ощутил его прохладу на себе. Окно, оказывается, было приоткрыто на ночь и поэтому Хайме проснулся поёживаясь.

Пробуждению в любом случае парень радовался. Наконец он может отправиться обратно на вокзал и уехать отсюда подальше. Впрочем, надо ещё попрощаться с Лу и поблагодарить за всё. Она как никак приютила его в такой непростой ситуации. И хоть Хайме недолюбливал людей, её бескорыстная помощь тронула его зачерствевшее сердце. Нужно будет обязательно как-то отблагодарить девушку, может заплатить? От этой мысли он сразу же отказался. Она в жизни не возьмёт у меня никаких денег, ещё и обидеться может. Надо придумать что-то другое.

Вдруг он вспомнил про открытку, которую нашёл на вокзале. Нельзя же так просто уехать и забыть о ней? Или можно? Хайме не знал, как поступить, однако затем предположил, что местечко не такое уж большое и найти нужный адрес не займёт много времени. Он достал

из куртки открытку и снова начал рассматривать. В утреннем свете она показалась ему ещё более изящной. «Вальберген, улица Кракенфельд, 19» – в очередной раз прочитал Хайме. Что ж, надо просто узнать, где эта улица, отнести открытку и забыть об этом. Так его совесть будет чиста.

Лу позвала его завтракать. Хайме немного опешил от этого, рассчитывавший лишь на ночлег, он снова познакомился с гостеприимством девушки. Хозяйка дома взяла одну из тарелок и налила ему густого супа. И когда она успела его приготовить? В любом случае чуть смущённый радушием парень взял ложку и принялся дегустировать. В тарелке плавали кусочки капусты, картофеля и моркови. Хайме удивился этому, ведь в саду никаких овощей не было. В основном там встречались лишь цветы, разве нет?

– Слушай, а откуда у тебя эти овощи? Знаю, вопрос глупый, просто не видел тут никаких магазинов. А у тебя в саду одни цветы.

Лу совершенно не смутившись ответила:

– Овощи я беру у соседей. Обычно мы меняемся. Здесь так принято.

– И что ты им даёшь взамен? – интерес Хайме лишь подогревался с каждой секундой их разговора.

– Как пойдёт. Бывает нужно помочь по дому или в их саду. Отец обменивал рыбу на овощи. Но это было давно.

– Суп, он очень вкусный. Да и в целом спасибо тебе. Может что-то нужно взамен за помощь? Только скажи, я всё найду.

– Мне ничего не нужно, – Лу задумчиво водила ложкой по своей тарелке.

Хайме показалось, что она рисует узор. Её зелёные глаза не давали ему покоя. Он выпил стакан воды.

– А ты случайно не покажешь мне улицу Кракенфельд? Мне нужен девятнадцатый дом.

– Улиц у нас не очень много. Так что найти будет не трудно. Я покажу.

– Да, и, если можно, давай сейчас. Мне ещё нужно вернуться на вокзал и поехать домой.

– Ладно, сейчас пойдём. А что там у тебя?

– Открытка с адресом.

– Ты нашёл её на вокзале? – оживилась девушка, отставив суп в сторону.

– Ага, на одной из скамеек. Перед тем как встретить тебя.

– Давно их не было.

– Их?

– Да. У нас здесь иногда находят такие открытки. Говорят, что уже каждому жителю приходило.

– И что на них?

– Я не видела. Мне ведь такая не приходила.

Хайме достал открытку, чтобы показать ей.

– По-моему тут ничего такого. Кит нарисован. От кого это, интересно.

Девушка взяла открытку в руки и принялась разглядывать. Она осторожно провела рукой по ней.

Их разговор громкий стук в дверь. Лу встала со стула и направилась открывать, оставив Хайме наедине со своими мыслями. И что это за открытки такие. И кто их шлёт? А главное – зачем?

Тем временем Лу с кем-то говорила, у входа. Это была какая-то не молодая женщина с грубым голосом. До Хайме долетали лишь обрывки фраз, из которых он с трудом что-то разбирал. Его ночные приключения похоже не кончились и предстояло ещё разгадать небольшую головоломку.

11

Женщина на несколько секунд высунула голову из-за двери, разглядывая недавно прибывшего. Взгляд этот казался совсем уж безжизненным, от него сквозило холодом и на душе становилось неуютно. Хайме заметил, что её седые волосы несмотря на возраст, были довольно неплохо уложены. Видимо ей таки удаётся ухаживать за собой, даже живя в такой глуши. Больше всего её выделяло платье, которое похоже было сшито из разных обрезков других одеяний. Наверное, достать здесь новую вещь проблемно, так что женщина могла сшить такое самостоятельно. Он бы не удивился, будь это так.

Она что-то буркнула под нос и покинула дом. Хайме догадывался, что и она не слишком рада его прибытию. Тот же в свою очередь чувствовал сильное недовольство. Незнакомые люди делали о нём выводы и уже словно объединялись против него в группу, ведомые лишь какими-то домыслами. Того и гляди, начнут вилами кидаться. Он не сомневался, что и таковые у них имелись.

– Что ей было нужно? – довольно резко спросил Хайме, с не слишком довольным лицом.

– Карла всегда лезет с вопросами. Ей надо знать про каждого в городе. Когда пришёл, откуда.

– И что, ты ей рассказала?

Хайме взволнованно ждал ответа.

– Только то, что сама знаю. От неё ничего не утаишь. Так уж всё устроено. Она одна из старейшин. Ей положено знать о каждом шаге, иначе добра не жди.

– Мне всё меньше хочется тут оставаться.

– Я знаю, здесь не лучшее место. Но я никогда не покидала его.

– Да где угодно лучше, чем тут. Давай быстро отдадим открытку, и я уберусь отсюда.

– Пошли.

Она ответила так сухо и холодно, что Хайме растерялся. То ли она устала, то ли ей тоже хочется побыстрее покончить с этим.

Вокруг чувствовалась атмосфера утра, с его постепенно пробирающей прохладой. Которая и морозила, и бодрила одновременно. В утреннем убранстве город выглядел менее мрачным, и даже в целом мог сойти за вполне приятный. Правда никто не торопился выползть на улицу. Тишина по-прежнему оставалась единственным саундтреком улицы.

Впрочем, в безлюдности можно всегда найти плюс. Никакого лишнего шума и беспокойства. Просто наслаждаешься звуками природы и иногда приветствуешь редко мелькающих в переулке соседей. Пожалуй, в таком разрезе жизнь за городом уже не казалась такой уж плохой. В очередной раз Хайме поймал себя на мысли, что словно пытается найти причину, чтобы задержаться ещё. Оценивает это место с разных сторон, будто намереваясь провести здесь по меньшей мере отпуск. От такого ему тут же стало не по себе.

Они дошли до соседней улицы, где перед самым началом красовался указатель «Кракенфельд». В воздухе пронесли запахи моря. Наверняка и здесь живёт множество моряков. Улица почему-то кончалась именно девятнадцатым домом, который они искали. Впрочем, распутывать эту загадку у Хайме не было желания. Пройдя почти всю улицу, он смог насчитать лишь шестерых жителей. Все остальные или не любили выходить или просто не были дома. Кто знает?

Пора войти и отдать открытку. Дом был относительно небольшим, с низкой покосившейся крышей. Лу жестом показала, что он может зайти первым. Девушка заинтересованно разглядывала окружение. Она ни разу сюда не приходила. Да и в целом видела этот дом впервые. И когда он тут появился?

Хайме шагнул, оказавшись у двери. Вот он момент истины. Парень сначала несмело, но потом более уверенно постучал. Деревянная дверь поскрипывала, чем изрядно действовала на нервы. Никакой реакции. Закрыто. Хайме сначала хотел просто уйти, но любопытство не давало ему покоя. Он подошёл к одному из окон и заглянул. Благо свет падал удачно, чтобы разглядеть внутреннее убранство.

– Что ты задумал? – поинтересовалась Лу.

– Не подумай, я ничего такого не замышляю. Просто хочу убедиться, что там действительно никого.

– Просто оставь открытку где-нибудь тут и идём.

– Думаю лучше положить её на видное место. Скажем в дверной проём просунуть.

– Делай как знаешь. Я понятия не имею кто тут живёт. Это странно, учитывая, как редко у нас бывают новые люди.

– Наверное ты просто не успела с ними познакомиться.

Произнеся это, Хайме вздохнул и подошёл к двери. Он достал открытку, снова повертел в руках. Странное чувство подсказывало ему, что её не стоит отдавать. Может лучше дождаться другого момента и вручить лично? Он что, уже собирается здесь задержаться. Ну нет. Лу глядела на это без особого интереса. Её зелёные глаза казались какими-то безразличными, будто их нарисовали на манекене.

12

По итогу Хайме всё же оставил открытку в дверном проёме, решив, что таскать ту с собой ему не хватит терпения. Да и раз он собирается уехать, то всё напоминающее об этом месте лучше поскорее забыть. Хотя кого он обманывает? Эти морские животные на открытке ещё долго будут преследовать его мысли. В воздухе тем временем пронесли запахи морского берега. Похоже моряки возвращаются с работы, с крупным уловом.

Хайме ощутил прилив сил и был готов двигаться обратно, в сторону вокзала. Он уже понемногу представлял, как расскажет об этом странном месте паре немногочисленных друзей. Никого ближе их у него не было. После смерти матери вся жизнь резко превратилась в какое-то странное серое пятно. Он как одинокий канатоходец балансировал, чтобы не упасть, удержаться на плаву в этой жизни. В зале ему никто не хлопал, и кажется лишь директор цирка – начальник «Грайм Рох», изредка подбадривал его сомнительными выкриками.

Лу вдруг стала выглядеть встревоженной. Она запустила руку в волосы и пальцем пома-нила Хайме к себе.

– Что происходит? Я не понимаю...

Девушка одёрнула его.

– Тише. Мы ведь не хотим проблем. Так?

Хайме понимающе покачал головой, хотя на самом деле в глубине души он понятия не имел, что происходит. Но Лу он уже доверял, так что без лишних колебаний перешёл на более низкую громкость.

– Эти люди могут нам навредить? Или я чего-то не понимаю.

Неподалёку мелькнул силуэт Ларса, того странного моряка, которого они видели ночью. Хайме вновь ощутил неприятный холодок по телу.

– Они не любят чужих. Поэтому чем скорее ты уйдёшь, тем лучше. Я не должна была тебя приводить. Но теперь ничего не поделаешь.

– Значит мне как можно скорее нужно убраться отсюда. Послушай, а как же ты?

– Я живу здесь всю жизнь. Мне ничего не грозит. Но вот тебе нужно уходить.

– Здесь опасно. Ты можешь уйти со мной.

– Спасибо за твою доброту. Но я не могу всё бросить. Этот город как проклятие, не отпускает меня.

– Как знаешь, тогда помоги мне поскорее выбраться. Я больше не хочу и лишней минуты здесь задерживаться.

– Идём.

Девушка повела его обратно, осторожно оглядывая дальнейший путь. Пока на ближайшей улице было тихо, и они могли спокойно её пройти. Город заметно оживился, Хайме начал слышать непривычный для этого места шум. Будто всё в один миг ожило, пробудившись ото сна. Но вместо приятного ощущения при этом он испытал немалый страх. Если бы Лу ещё хоть немного рассказала об этом месте. А пока он лишь нервировал себя догадками.

По тропе из уже привычных плит они вышли к какому-то высокому зданию. Высокому по меркам этого городка. На втором этаже мелькал свет, правда Хайме не мог разглядеть от чего он возникает. Деревянное здание больше всего походило на церковь столетней давности. И зачем они строили всё из дерева? Неужели не нашлось материала по практичнее?

Хоть Хайме и повредил ночью ногу, сегодня уже почти не чувствовал боли. Наверное, усталость сказала на том, что рана ощущалась куда более значительной и опасной. А сейчас он шагал с новыми силами, не обращая внимания на небольшие спазмы. Желание убраться, пожалуй, оставалось главным, что им двигало.

Они затаились за деревянным зданием, ожидая, пока людей поблизости станет поменьше. Можно было рассмотреть некоторых из этих людей. Суровые, почти на одно лицо, люди дела, эти моряки выглядели порядком уставшими. Многие из них тащили на спине гигантские сети, словно это были мешки. Запах рыбы и тины теперь смешался ещё и с сильным ароматом табака. Трубка имелась почти у каждого и непременно использовалась. Не хватало разве что пьяной драки или громкой музыки. Чего-то такого.

Толпа направлялась куда-то в сторону того самого амбара, который попадался Лу и Хайме вчера. Они словно слаженное племя муравьёв двигались куда-то, готовые снести всё на своём пути. Обычные жители не торопились на улицу, видимо и им не слишком нравились пугающие лица бывалых моряков. Хайме видел, как из-за забора осторожно выглядывала та самая женщина, что приходила к ним. Карла. Интересно, она тоже их боится или втихаря восхищается.

Наконец моряки скрылись из виду, будто оставив в воздухе частицы своей агрессивной природы. Ветер качнул один из заборов дома напротив. Звук напугал Лу и Хайме тут же успокоил её:

– Не бойся, это просто одна из деревяшек от ветра так шумит.

– Я, я не боюсь. Просто я редко выхожу куда-то надолго. Сажу постоянно в саду. А эти звуки, от них не по себе. До сих пор не могу привыкнуть. В эту часть города я не хожу обычно.

– Что было нужно этим морякам?

– Они несут добычу. Складывают её в одном месте. Потом делят.

– А ты не участвуешь в этом?

– Мой отец ходил. А я всегда ждала его дома.

– Что будет если они меня увидят? – с тревогой спросил Хайме.

– Надеюсь этого не произойдёт. Здесь чужаки не приживаются.

Хайме на секунду закрыл глаза, чтобы сосредоточиться и собраться с мыслями. В голове роились сотни разных неприятных вещей. Да что всем этим людям надо от него? Неужели простая ночёвка в городе обернётся какой-то серьёзной проблемой. Что тут происходит в конце-концов?

– Лу, я хочу знать, что творится. Пожалуйста, скажи мне правду. Я не могу так больше. Объясни мне хоть что-то.

Девушка явно хотела что-то сказать. Но словно язык в эту минуту у неё отнялся. Она взволнованно дышала и трясла рукой. Хайме осторожно положил ей руку на плечо, чтобы успокоить. Она отстранилась:

– Ты жалеешь меня. Спасибо, но я, я ничего не могу сделать. Я должна просто помочь тебе уйти. Пока они не увидели нас вместе.

– Кто-то уже пытался тебя отсюда забрать? – произнёс Хайме вмиг задумавшись, что он всё это время думал лишь о своей шкуре.

Он ещё не знает, что скрывает эта девушка, но похоже ей и правда нелегко здесь. Её дрожь пропала, и она снова стала прежней. Извинившись за свою истерику Лу повела его дальше. Хайме не понимал за что она извиняется, но принял правила игры. Сейчас ему хотелось лишь дать ей успокоиться. Теперь путь был свободен и их видели разве что некоторые особо любопытные жители Вальбергена. Девушка пристально оглядывала всю растительность вдоль дороги. Искала тот самый цветок. Хайме и не думал её торопить, похоже её жизнь намного тяжелее его. Видимо возвращение моряков – настоящее испытание для горожан.

ИСТОКИ

13

1924. Вальтер Кавалера, этим именем его наградила отец. Тоже моряк, такой же отчаянный и бесстрашный. Его последний день на суше Вальтер хорошо запомнил. Во взгляде отца будто ощущалось смирение, словно он уже знал, что никогда не вернётся. День от дня юный Кавалера ждал его, сидя с матерью на берегу. Они без конца глядели на морскую линию, ждали, что вот-вот появится знакомый силуэт. Но никого не было, ни единого проблеска надежды на возвращение.

В свои семнадцать Вальтер отличался неплохой выносливостью и силой, хотя и не был одним из тех крепких портовых парней. Его поджарая фигура скорее напоминала тело аскета, отшельника, что посвятил себя изучению мира вокруг. Длинные светлые волосы как-то сразу выделяли его среди сверстников, предпочитавших модные короткие причёски того времени. Он же плевать хотел на моду, да и волосы такие носил лишь потому, что ему не хотелось их стричь.

Его руки в столь юном возрасте уже были покрыты всевозможными царапинами и ссадинами. Всё потому, что он был моряком. Уже третий год он ходил в море, по заветам отца неся бремя жизни сурового добытчика. Случалось, он по несколько недель не бывал дома, проводя время в бесконечном поиске добычи. Киты, что водились в Вальбергене, отличались своей проворностью. Приезжавшие сюда моряки часто говорили, что никогда не видели подобной скорости. Каждый такой кит был на вес золота. Их ценили по всей Европе, хотя Вальтер не слишком любил чужаков, которые приезжали и мешали ловле. От их мельтешения парень часто приходил в ярость. Но поделать ничего не мог, ведь люди должны были хоть как-то узнать об их городе. Власти тогда строили большие планы, чтобы развивать в городе туристические направления.

Среди этих любопытствующих кого только не было. Одни ехали за мифическими неуловимыми китами, другие за особыми деликатесами из морепродуктов, а третьи просто выбирали Вальберген в качестве перевалочного пункта. Редко кто-то целенаправленно ехал сюда, чтобы поглядеть на местные ландшафты. Городок с репутацией захолустья отчаянно пытался выбраться из трясины, но мало кто делал что-то для этого.

Кавалера любил это место, несмотря на те неприятные изменения, которые стали происходить здесь с приездом новых жителей и туристов. Они постоянно шумели и мешали работать, задавали дурацкие вопросы и часто донимали местных. Поначалу это казалось даже забавным, но затем превратилось в надоедающую особенность. Люди стали не слишком аккуратно пользоваться ресурсами, оставляя много мусора и загрязняя море.

Маленький и уютный Вальберген начал превращаться в какое-то подобие этих больших шумных мегаполисов. Шум не стихал на улицах, блага цивилизации то и дело угрожали уютному местечку. С приходом связи, радио и других новшеств основная масса населения стала испытывать недовольство. Моряки не жаловали новые технологии, даже пытались противостоять им. Однажды команда одного из кораблей пробралась в здание радиорубки и устроила диверсию. Никто не пострадал, кроме единиц оборудования на десятки тысяч. Это был протест, воля людей, которые были здесь хозяевами.

Вальтер хорошо помнил, как они с отцом взяв факелы направились на главную площадь Вальбергена, чтобы с десятками других несогласных изъяснить свою волю. Власти были сильно напуганы и даже пошли навстречу. Правда переговоры не кончились ничем вразумительным, стороны остались при своём, разве что несчастное здание типографии они всё же сожгли.

Крови не было, моряки не желали её проливать. Они лишь пытались показать, что их город не намерен терпеть всё, что ему навяжут. Громкие заявления не на шутку напугали приехавших людей. Многие тотчас решили, что здесь небезопасно и покинули Вальберген за считанные дни. Некоторые же остались, но меньше требовали и всё больше пытались не выделяться.

Технологии не ушли из города, однако их главенство было поставлено под угрозу. Новый порядок был таков, что каждый подобный объект отныне согласовывается с жителями города. Каждый год для таких согласований стали выбирать одного из опытных моряков. Однажды от лица народа выступал и отец Вальтера. После той встречи в городе всё же появились некоторые технологические улучшения. Однако касались они теперь производства. Промысел сильно вырос, стал развиваться и гигантские партии выловленной рыбы и морских гадов теперь заготавливали в больших масштабах и возили на продажу.

Казалось, что у города началась новая жизнь. Теперь приезжавшие жители стали чтить традиции, не мешая остальным заниматься своими делами. Чёткая структура управления позволила регулировать разные процессы внутри города и налаживать связи. Даже самые консервативные старики стали признавать, что стремительно обогащавшийся город нравился им куда больше, чем раньше.

Возник даже особый праздник, который посвятили примирению сторон. Его назвали днём мира и согласия. Пошла традиция отмечать его разными празднествами за большим столом, с массовыми гуляниями и даже представлениями. Моряки охотно рассказывали морские байки про разную нечисть и сказочные уловы. Дети слушали это с удовольствием, а взрослые смеялись. Некоторые даже пытались спорить, мол «не бывает пятитонных китов» и в таком духе. Те дни Вальтер хорошо запомнил, они остались внутри него, заложив фундамент его личности – сильной, но способной меняться и двигаться вперёд.

14

Лучи солнца пронзали всё насквозь, и Вальтер проснулся. Вставал он всегда рано, раньше многих, чтобы успеть сделать каждое запланированное дело. Его день начинался с парочки упражнений на ноги и спину. Так он оставался в хорошей физической форме и легко выдерживал долгие морские вылазки. Порой приходилось несколько дней подряд без конца бороться со стихией. Такие плавания изматывали, однако давали ценный опыт и часто оборачивались крупным успехом. В лучшие дни улов мог быть таким, что он мог безбедно жить несколько месяцев. Проданное неплохо расходилось по окрестностям, а оставшееся Вальтер предпочитал заготавливать в качестве солений.

День не казался примечательным. Постепенно всё вокруг озарялось светом, открывая небу побережье городка. Вальберген по утру ничем не отличался от любого другого морского поселения, однако Кавалера любил это место. Здесь прошли все годы его насыщенной жизни, здесь он начал свой путь и был настроен идти по нему, не сворачивая и не боясь трудностей. Без отца была нелегко, но Вальтер точно знал, чего хочет и двигался навстречу новому. Так бы хотел папа, так бы он посоветовал сделать.

Прогуливаясь по скромному двору своего дома, Кавалера заметил рядом с берегом приятный силуэт. То было не вековое дерево с изящными ветвями, и не фигура статного животного. На берегу стояла девушка. Вальтер ещё не знал её, но почувствовал, как сильно хочет узнать. Чуть отряхнувшись от садовой пыли, он отправился в сторону берега. Закрыв калитку, парень не спеша побрёл по узкой тропе.

Проходя десятки камешков и обвивающих их растений, Вальтер в очередной раз убедился в том, что природа здесь особая. Чем ближе был силуэт, тем сильнее возрастало любопытство. Особа на берегу совсем не напоминала местных барышень. Скорее её можно было назвать их антиподом. Она так изящно ступала по песку, выверяя каждый шаг, подобно цапле, что Вальтер с лёгкостью бы поверил, что она танцовщица или даже балерина. Правда вживую их он не видел, лишь на фотографиях в детстве.

Отец любил привозить из дальних поездок разные снимки увиденных красот. Чаще всего на них мелькали различные артисты, дававшие громкие номера прямо посреди улицы или же какие-то красивые виды, которые запали старшему Кавалера в душу. Вальтер всегда с нетерпением ждал отцовского возвращения из таких поездок, чтобы поскорее увидеть новые снимки – новые запечатлённые чудеса. На них всегда все улыбались, словно никаких проблем вокруг не было. В этом мире не случалось ссор и скандалов, напротив же, тут было тихо и спокойно. Среди этих фотографий ребёнок чувствовал себя в безопасности и в случае чего мог достать их. Рассматривая отцовские приключения, Вальтер рос, оставляя в прошлом пройденные этапы. Чем старше он становился, тем более осмысленно разглядывал лица людей на фото. Они будто говорили с ним, рассказывали свои маленькие истории. Уже зная, как устроен мир вокруг, юноша тем не менее со всё тем же детским восторгом поглощал новые кадры.

Последнее фото, которое он увидел, запечатлело огромную рыбу, которую продавали на одном из рынков. Она достигала почти метра в длину и покрывала половину роста рыбака. Его худые пальцы держали её с такой силой, что сомнений, что именно он её поймал, не могло и возникнуть. Сильная хватка бывалого человека – вот что поразило отца Кавалера, став венцом коллекции снимков.

Больше всего в памяти отпечатался взгляд старика, который явно выражал отчаяние. Последняя надежда – продать эту гигантскую рыбину, чтобы выжить, прожить несколько месяцев, чтобы ещё немного понаблюдать за светом, играющим на глади моря. Костлявые пальцы, державшие её, одновременно пугали своей дряблостью и при этом вызывали сильное чувство. Отец мальчика был горд видеть этого человека. Рыбу у него он так и не купил, однако попросил

попозировать для фотографии, потом оставив тому горсть последних монет, которые у него были припасены. Сильное сожаление поглотило душу созерцавшего ту картину. Но Кавалера жалел не об этом поступке, а о том, что в его кармане не обнаружилось чуть больше монет для этого удивительного рыбака.

Девушка продолжала эффектно переступать с ноги на ногу, рисуя руками в воздухе какие-то причудливые узоры. Каждое движение казалось отточенным – отрепетированным, словно танец. Будто перед тем, как прийти сюда, она тщательно разучивала каждый шаг. Лебединый силуэт выбивался из общей картины неказистого морского пейзажа. Та часть моря, к которой примыкал Вальберген, не походила на обустроенные пляжи для туристов. Здесь в песке торчали разные поржавевшие штурвалы, распиленные якоря и порванные сети. Здесь могло понравиться разве что мальчишкам, которые без конца бегали в поисках клада, изображая моряков или даже пиратов.

Но женская красота словно возвышалась над этим серым и невзрачным местом. Она, как купол небесного света, освещала эти песчаные берега, пролетая в нежном танце мимо них. Ещё секунда и вспорхнёт ввысь, присоединившись к тем бесчисленным стаям, что летят в поисках нового пристанища. «И как этому прекрасному лебедю пришло в голову остановиться в их неприметном захолустье» – с улыбкой размышлял Вальтер.

15

Вальтер поравнялся с девушкой и теперь мог её хорошенько рассмотреть. Светлые волосы красиво спадали на плечи, при этом они были немного короче, чем у Кавалера. Девушка кружилась в нарядном платье, с цветными узорами. Как только она начинала танцевать, её движения казалось подхватывают нарисованные линии. И отточенные шаги не прервались даже тогда, когда Вальтер стоял уже совсем близко. Она будто не замечала его или же делала вид. Впрочем, возможна девушка настолько увлеклась, что позабыла о том, где находится и что делает. Ответ последовал в ближайшие секунды.

– Доброе утро! – произнесла девушка, не изменив позы.

В этот момент она делала очередной круг вокруг себя, чем повеселила своего нового знакомого.

– Доброе! Позвольте узнать ваше имя?

– Позволю. Елена моё имя.

– Очень красивое. Но совсем непохоже на скандинавское.

– А это разве плохо?

Девушка продолжала сохранять невозмутимый вид, несмотря на какую-то неловкость происходящего. Морской шум на фоне словно невидимый оркестр сопровождал их беседу.

– Не думаю, что плохо.

– У меня греческое имя. И я сама оттуда.

– А меня зовут Вальтер. Фамилия Кавалера. Имя у меня немецкое. А вот фамилия нет. У отца была испанская кровь.

– Скажите Вальтер Кавалера, а вы хороший кавалер? – произнесла Елена вдруг остановившись.

Не дав Вальтеру и пары секунд на ответ, девушка рассмеялась. Таким нежным, но искренним смехом. Не тем, каким обычно притворно хихикали богатые особы на королевских банкетах, а скорее таким коротким и кокетливым «хи».

Парень немного смутился, но затем тоже улыбнулся. Неожиданная порция смеха не вошла в его утренний завтрак. В этот момент он оглядел её. Совсем босая, с длинными тонкими ногами. Она казалась такой, что можно было подумать, что любое дуновение ветра унесёт её. Тонкие пальцы ещё сильнее убеждали Вальтера в том, что перед ним иностранка голубых кровей. Быть может даже дочь короля или вроде того. Впрочем, их уже осталось не так много, так что вряд ли. А может воображение просто играет с ним?

– Я моряк, живу здесь неподалёку. Так что сомневаюсь, что смогу дать фору важным джентльменам из высшего света. Но в некоторых вопросах всё же их превосхожу.

– Это, например, в каких? – Елена заинтересованно уставилась на нового знакомого.

Вальтер поразился тому, как она ходит по песку без обуви. Любой камень повредит такие изящные ноги. И о чём она думает!

– Не знаю, как у вас в Греции, а у нас в Вальбергене всё просто. Я беру гарпун, снасти и плыву туда. Где-то через пару километров начинается самое интересное. Разная живность, обитающая там, ждёт своего часа, чтобы попасть в мои сети.

– Я никогда даже рыбу сама не ловила. Это сложно? Скажите, вы ведь явно разбираетесь.

Вальтер выдержал паузу, пытаясь понять, что именно происходит. Девушка определённо ему нравилась, но он не знал, как лучше себя повести. Нужно было произвести хорошее впечатление, но избежать излишнего бахвальства. Хотя если она заговорила с ним, простым рыбаком, то видимо и правда заинтересована в общении. Правда Вальтер ничего не знал о Греции и, конечно, не был там.

– Рыбу? Забавно. Здесь в Вальбергене нет людей, которые этого не умеют. Но отвечая на ваш вопрос – это не трудно.

– Значит решено. Вы научите меня.

– Так сразу?

– А как иначе? Мне хочется этого сейчас. Потом уже потеряю интерес! Вы что отказываетесь?

– Я? Да нет. Просто мы только познакомились.

– Если нужно время на подготовку к рыбалке, то скажите. Я приду, когда нужно.

– Елена, совсем не в этом дело. Думаю, я даже смогу вас научить. Только давайте не будем так торопиться.

– Ой, простите. Я такая глупая. Привыкла что сразу всё получаю.

– Ничего, вы привыкнете и к другому.

Они обменялись улыбками. Лёгкий ветер, пришедший с моря колыхал волосы обоих. По песку пробегали мелкие насекомые, которые деловито куда-то спешили. Утро понемногу сменялось днём. Море по-прежнему что-то шептало своим неразборчивым мокрым голосом.

– Так, когда мы станем учиться рыбачить? – поинтересовалась девушка.

– Завтра на это же месте, в это же время. Так будет удобно?

– А сколько сейчас? Я не знаю.

– Будем считать, что сейчас позднее утро.

Они вновь обменялись улыбками. В голове каждого что-то промелькнуло, но ни Елена, ни Вальтер, ещё не могли ручаться, что это были чувства. Скорее они лишь ощутили приятное взаимное тепло от разговора. Словно каждый из них первый раз пробовал новое блюдо, наслаждаясь вкусом, но ещё не зная, захочется ли ему вновь заказать его же.

16

2004. По телу Хайме пробежала дрожь, все эти мысли, что в последнее время донимали его... Они будто объединились воедино, в один неприятный ком, который катился за ним по пятам. Вальберген с каждой секундой лишь сильнее пугал его своими странными правилами и не менее странными жителями. Зелёные глаза Лу правда немного успокаивали его. Девушка тоже не выглядела воодушевлённой, но по крайней мере он ей доверял.

Хайме вдруг оцепенел. Его тело будто пробили гигантской стрелой, и он не в силах ничего сделать стоял, как замороженный. В окне здания неподалёку он видел образ. И без труда узнал эти черты, эти тонкие руки и изящные пальцы. Там наверху, из темноты ему явился образ. В своём лучшем платье перед ним предстала Мария. Его мать.

Он долгое время не мог даже пошевелиться. Что здесь происходит? Она ведь мертва 19 лет. Он сам видел, как её руки навсегда обессилели, а глаза перестали моргать. Столько мыслей вмиг пронеслось в его голове, пробило на эмоции словно плотину. Кажется, сейчас он задохнётся. Хайме побледнел. В руках по-прежнему была сильная дрожь. Он боялся даже рассуждать об этом. Что происходит? Как это возможно? Почему она здесь?

Лу вздохнула и покачала головой. Она подошла к нему и попыталась привести в чувство. В её взгляде читалась тревога. Девушка не понимала, что с ним и аккуратно хлопнула того по плечу. Хайме не реагировал, она повторила действие. Убедившись, что и это не помогло, Лу достала фонарь и осветила ему прямо в лицо. Парень дёрнулся и, кажется, пришёл в себя. На его лице появился испуг, по лицу текли капли пота, мешавшие обзору. Хайме неловко вытер их рукой и покосился на девушку.

– Что с тобой? Ты в порядке? Стоял как вкопанный. Я подумала, что тебе плохо.

– Я видел её.

– Кого? О ком ты? – девушка ничего не понимала и кажется ей передалась его тревога.

– Маму. Она, она была там... Наверху, в окне. Ты разве не видела?

– Что? Здесь?

– Я думал она мертва. Но она была там. Я клянусь тебе. Пойдём, поднимемся туда.

Девушка взволнованно оглядела его, сейчас он говорил вполне серьёзно, да и не выглядел как помешанный, в отличие от тех нескольких минут прострации. Может он и правда не врёт? Его жёлтые глаза... Почему они такие? Ведь у всех здесь зелёные. Странно.

– Мы поднимемся туда. Но я ничего не видела. И мне совсем не хочется тебя расстраивать, но там никого нет.

– Так не может быть. Я видел. Это было здесь, в реальности.

– Я не стану ничего больше говорить. Пойдём и ты сам убедишься.

Хайме расправил ворот своей куртки и полный разных противоречивых теорий направился к дому, где он видел силуэт матери. Девушка отправилась следом, оглядывая всё вокруг, их всё ещё не должны были видеть. Слишком опасно. Эта Карла, она их точно выдаст, если заметит. Или Ларс. Правда вот ему это, наверное, незачем.

Они подошли к дому вплотную, оказавшись перед внушительным двухэтажным зданием. Деревянный фасад выглядел просто, но при этом величественно. Резные ставни и окна выделяли это здание на фоне многих прочих. Внезапно девушка оттащила его в сторону, показав жестом, что нужно сидеть тихо. Из дома вышли двое мужчин, которые громко обсуждали крупный улов. Один из них раскинул руки, чтобы показать другому размеры рыбы. Второй, смотря на это лишь громко смеялся, видимо не очень-то верил. Затем один из них громко выругался: «Да где эта чертова жемчужина. Моряк мне голову оторвёт, если узнает, что я нашёл её и потерял».

Наконец моряки скрылись из виду и Лу просигналила, что можно двигаться дальше. Их вылазка становилась всё более опасной. Девушка взволнованно посмотрела на Хайме и спросила:

– Ты уверен, что хочешь этого? Тут очень опасно. Если мы вовремя не уйдём, то попадёмся кому-нибудь на глаза.

– Я должен туда подняться. Должен проверить сам. Мне давно ничего так не хотелось.

– Что ж, я помогу тебе. Но просто помни, что если хочешь поскорее уйти отсюда, то нужно торопиться.

– Идём, я готов пойти на это.

Девушка открыла дверь, и они оказались в просторном доме. Девушка зажгла свет и перед ними открылся довольно внушительный коридор. На стенах висели разные портреты. Каждый в своей резной рамке и на одинаковом расстоянии. Стена, несмотря на неровности, была хорошо покрашена – кажется краску обновляли недавно. Свет падал на портреты и Хайме не смог удержаться от того, чтобы рассмотреть их.

На первом красовался молодой парень с небольшими усами и высоко посаженными зелёными глазами. В его взгляде читалась серьёзность, даже какая-то угрюмость. Смотря на него Хайме, ощутил сильное желание поскорее оторвать взгляд, перейти на следующий. На втором портрете был мужчина постарше. Снова зелёные глаза. Грубоватые черты выдавали в нём моряка, хотя на фото он был одет в приличную деловую рубашку. Всё дело во взгляде, в нём читалось какое-то внутреннее мужество, скрытая сила, которую невозможно как-то получить. Она будто сама собой следовала за ним, делая его образ ещё более суровым.

Хайме заметил, что девушка отвела взгляд.

– Что с тобой?

– Ничего. Нам надо идти. Ты ведь торопишься. Эти портреты нам ничего не дадут.

– Ладно, ты права, идём.

Пройдя до конца коридора, они увидели лестницу. Она по всей видимости вела на второй этаж. Перила были украшены жутковатыми узорами с звериными мотивами. Пугала их инородность, словно каждый из них вырвали из другого интерьера, причём грубо и не слишком заботясь о визуальном облике. На ступенях были свежие следы. «Значит те двое, наверняка, поднимались сюда, может догнать их и спросить, не видели ли они её?» – подумал парень.

Хайме уверенно шагал по ступеням, стараясь при этом уделять время рассматриванию убранства вокруг. На стенах висели небольшие полки, где красовались свечи и разные небольшие предметы, вроде часов, бус или очков. И зачем они это всё так разложили? Хотя да, это красиво, спору нет.

Хайме вдруг заметил, что девушка отстала. Он обернулся и увидел, как та, спустившись вниз подошла к тому самому портрету. К тому, от которого так стыдливо отвела глаза. В этот миг Хайме всё понял, осознал, почему она так неохотно вошла в этот дом. Она тоскливо проводила руками по фотографии, что-то говорила еле слышным голосом. Сейчас Лу выглядела совсем по-другому. Думая, что Хайме ничего этого не видит, она тихонько ревела, стирая пыль с дорогого сердцу портрета её отца.

17

На втором этаже интерьер не слишком отличался. Те же загадочные решения в оформлении, которые восхищали смелостью и отталкивали. На полу был расстелен длинный парадный ковёр, который вероятно использовался для торжественных мероприятий. Хайме заключил, что вполне возможно здесь проходили серьёзные мероприятия, разные приёмы и деловые переговоры. Он легко мог представить на этом месте толпу жителей города, стоящую в очереди на приём к чиновнику.

В одной из комнат он видел силуэт и нужно было найти в какой именно. На вид они ничем особо не отличались, даже наоборот казалось, что их нарочно выполнили в одном стиле. Каждая представляла собой просторный зал, с дорогими стульями, широкими полотнами картин (которые порой занимали целую отдельную стену) и круглыми столами, за которые могли поместиться все желающие (хотя очевидно сейчас таковых не было).

В одной из комнат Хайме заметил мокрые следы. Моряки явно сидели здесь и о чём-то беседовали. Один, судя по отпечаткам ходил кругами вокруг стола и обронил что-то блестящее. Поддавшись соблазну Хайме, наклонился и поднял предмет, от которого исходил свет. То была небольшая и изящная жемчужина.

Хайме повертел вещицу в руке, такая хрупкая и красивая. Похоже моряки нашли её в одном из своих плаваний. Он спрятал ту в кармане, чтобы потом показать Лу, а может и сбегать, как память об этом странном месте. Какой-то неестественно белый цвет даже немного пугал его. Наверное, он просто не видел таких чистых жемчужин вживую. Или же свет, падавший от открытого окна, немного приукрасил обычную, по сути, морскую безделушку.

В детстве Хайме заметил, что мама не любит носить украшения, как другие женщины, которых он встречал на улице или, когда видел мам других детей. Тогда мальчик просто не знал, что у них не хватало на это денег, а сейчас, спустя столько лет осознавал, тоскливо думая о том, как матери нелегко пришлось с ним одним. Отец где-то был, но вскоре перестал с ними контактировать, исчез будто и не существовал вовсе.

Хайме бы сейчас пошёл в любой ювелирный купил там хорошее украшение, скажем подвеску или кольцо, а потом приехал к матери. Торжественно надел бы на её шею и увидел искреннюю улыбку. Она бы смеялась и говорила, что ей ничего не нужно и что можно пойти и вернуть, пока ещё не поздно. Дорогие вещи, наверное, ей никогда их не дарили. Всё это могло бы произойти, но этого не произошло. Потому что её больше не было. И он был один.

В соседнем зале никого не оказалось, никаких следов, ничего. Следующие два такие же пустые, ни единого намёка на чьё-либо присутствие. Такое огромное и пустое здание, и при том заброшенное, забытое всеми, как и весь этот город.

Может ему просто померещилось? Может морской воздух плохо влияет? Как она могла быть там? Ведь он своими глазами видел... Быть не может! Зачем он обманывает себя? Для чего?

Тут в зал зашла Лу, которая выглядела как обычно. Никаких следов слёз, она всё спрятала внутри себя – словно никаких страданий не испытывала. Но Хайме видел ту молчаливую сцену.

– Здесь никого нет. Мы никого не найдём. Я осмотрела всё вокруг.

– Думаешь мне это привиделось? – со всей серьёзностью спросил парень.

Он надеялся получить от Лу какое-то подтверждение, хоть что-то, что бы прояснило ситуацию.

– Я ничего не видела. Но я готова верить тебе. Здесь случаются странности. И чем дольше ты здесь пробудешь, тем сильнее это заметишь.

– Что, если это была другая женщина. Может того же роста и похожая внешне?

Хайме достал из бумажника маленькое, уже пожелтевшее фото, которое вытащил из какого-то документа матери на память и вручил его в руки Лу.

Девушка с интересом рассматривала фотографию, которая, несомненно, удивила её. Лу притихла и какое-то время просто проводила пальцами по фотографии.

– Что это за бумага?

– Обычная фотобумага.

– И почему цвета такие яркие?

Часы на стене вдруг пробили очередной час.

– Разве яркие? Они уже совсем не такие как были. Я бы сказал, что такое фото не имеет никакой ценности. Я храню его лишь потому, что это напоминание о ней.

– Ты, наверное, меня разыгрываешь. Я не видела такого никогда. Такое качество и цвет такой.

– У вас что нет подобных фотографий?

– Нет, я впервые вижу такие.

«Что тут происходит. Что это за место?» – подумал Хайме и выдохнул.

– Послушай, Лу. Скажи мне, может я чего-то не понимаю. Что с этим местом? Где мы?

– С этим местом давно что-то не то.

– Это я уже понял. Мне нужно что-то более конкретное. Я хочу знать. Это всё розыгрыш?

Лу взволнованно посмотрела на Хайме и помотала головой. Она правда ничего не знала, не понимала. И как он мог так грубо её спросить.

Парень чуть остыл и ощутил, как тишина вокруг буквально сверлит его насквозь. Нужно успокоиться и здраво поразмыслить.

– Извини, это было грубо. Я не хотел. Просто всё в этом городе похоже на сон. Какой-то кошмар.

– Ты должен уйти и как можно скорее.

– Ты не сердись на меня?

Хайме ощутил, что боится потерять единственного союзника в этом опасном городе. Девушку, которая всё это время бескорыстно ему помогла.

Лу вдруг уставилась на одно из кресел в зале. Оно стояло вдали от остальных, в самом углу. Так странно. Другие расположены словно по чёткой схеме по периметру зала. А это кресло словно забыли. Почему оно так отдалено от остальных.

Девушка подошла к нему и осмотрела вокруг. На полу были следы неаккуратного передвижения. Полосы хоть и не выглядели глубокими, но бросались в глаза. Кто-то специально, причём второпях двигал кресло в угол. Но для чего? Спрятать что-то? Скрыть какие-то следы?

– Помоги! – выпалила Лу, показывая головой на обширное кресло.

18

Вместо они навалились и сдвинули кресло назад, по той траектории, которую избрал прошлый двигавший. На них тут же полетело приличное количество пыли, и они оба синхронно закашляли. Затем отмахнувшись от внезапной атаки микробов, двое таки смогли разглядеть то, что было за креслом. В углу, под слоем паутины и всё того же серого налёта, лежала стопка бумаг.

Хайме сразу разглядел характерные для дневника пометки на полях с датами. Он отряхнул их от пыли, обдул немного и принялся изучать. Девушка взяла несколько листов, которые были снизу, а парень же изучал первые. Глаза его неистово бегали от слова к слову. Несмотря на стёршиеся в некоторых местах чернила, вполне можно было разобрать, что же скрывается в этих листках бумаги:

«Я помню множество странных вещей. Со мной чего только не случилось. Помню, как удивлялся, впервые видя каких-то редких животных или необычные племена, живущие по принципам общины. Но то, что я увидел здесь – невероятно и не поддаётся объяснению. Словно ребёнок, я открываю новые грани этого мира. Здесь в Вальбергене царит атмосфера загадки. Люди тут оторваны от мира, так, словно ничего за пределами их поселения нет.

Они не ищут путей выбраться, не хотят что-то менять. Просто берут и живут, не думая о том, что бывает иначе. Я встречал десятки упёртых людей. Особенно непросто мне было понимать вождей диких племён. Но люди в Вальбергене – отдельный вид, они будто застряли во времени. Их прогресс остановился где-то в 1920-х, не дальше. Никаких следов цивилизации нашего брата. Лишь превратившееся в законсервированный продукт существования.

Среди них всех я более или менее сдружился с Ларсом, человеком не без странностей. Он рассказал мне много того, что и в голове-то не очень укладывается. Хотел бы я записать каждое его слово, уверен, прочитанное бы вас удивило, но ничего не выйдет. Он всячески боится, что то, что он расскажет станет причиной его смерти. Ему всерьёз грозит опасность, однако и я не могу не зафиксировать на бумаге то, что он говорил. Поэтому мой рассказ будет основан на его опыте и будьте уверены, что всё будет передано в точности, из уважения к этому человеку.

Ларс живёт здесь почти всю жизнь. Больше того, он уже и не помнит, сколько ему лет. Когда-то помнил и даже старался отмечать, выпивая пару бокалов вина из запасов своего небольшого погребка. Но последние годы ему попросту стало плевать. Жизнь в Вальбергене стала такой серой и беспросветной, что он вовсе перестал хоть как-то замечать, что происходит вокруг. И мне жаль его, тоскливо, когда не помнишь дня своего рождения.

С каждым днём рассказы Ларса всё сильнее поражают моё сознание. Он часто упоминает, что перестал ходить в море. А раньше был моряком, причём одним из лучших. Его уловам завидовали многие. Он помнил историю, как однажды нашёл в своих сетях несколько жемчужин. От неожиданности Ларс случайно упустил две из трёх. Они были все в тине и мгновенно выскользнули, о чём он долго потом жалел. Но одну Ларс таки ухватил.

Он восхищался её изяществом. Такая небольшая и приятная наощупь. Ларс сразу же отчистил её от ила, чтобы как следует рассмотреть. Как она блестела! По его словам, то был яркий и какой-то магический свет, который никогда ранее не встречался ему на долгом пути. Много лет он плавал, привозя немало рыбы и другой живности, но ещё ни разу до этого не находил ничего подобного.

Когда же он вернулся домой из затяжного странствия, то столкнулся с ними. С другими моряками. Они ещё с первых дней показались ему недружелюбными, а тут, прослышав про жемчужину каждый загорелся идеей её отнять. Эти мелочные люди готовы были растерзать старика, лишь бы забрать себе драгоценную находку. Кто-то даже хотел выкупить её, но Ларс

оставался непреклонным. Жемчужина пришлась ему по душе, и он не спешил никому отдавать своё сокровище.

Прошло несколько месяцев и пришёл он. Тот, кого все жители Вальбергена до смерти боятся. Говорят, что он даже не вполне человек. Что-то большее и куда более могущественное. И спорить с этим я не стану, хоть и не верю во все эти байки. Тот человек... Они зовут его Моряк. И для них он главный и самый важный. Но не все жители города видели его хоть раз. Слухи и легенды окутали его личность. Говорили, что он вышел на берег, чтобы самолично забрать жемчужину.

Тогда-то Ларс и понял, что ему грозит опасность, причём такая, какая не грозила ещё никогда. Ни одной акулы он так не опасался, ни одна страшная морская тварь не могла смутить его, занести в сердце, будто инфекцию, вирус страха. Но то существо, тот загадочный властитель Вальбергена, смог пронять его до глубины души. И Ларс не на шутку испугался за свою жизнь.

Он хорошо помнил тот день, ту встречу. Моряки передали ему, что их повелитель ждёт Ларса у моря, в час, когда луна опускается над Вальбергеном. Старик пришёл один, ведь никто даже не осмелился бы выступить с ним против Моряка. Он ждал, держа жемчужину в кармане, ожидал прихода того самого властелина.

И вот, среди волн появился силуэт корабля. Хоть он и не был большим, а внушал какое-то чувство тревоги. Ларс вздохнул, ощущая, как страх заполняет все уголки его тела. Когда Моряк ступил на землю, старик разглядел его целиком. Он с удивлением увидел именно человека, высокого и статного, с длинными волосами и печальными глазами. Но в отличие от многих других моряков, этот выглядел по-особенному статно и молодо.

Моряк подошёл к нему и заговорил, держа в руках необычный предмет круглой формы с выемками. В них явно можно было вставлять какие-то предметы. Он вертел этим в руках, будто жонглёр в цирке.

– Я слышан о твоей находке, Ларс. И очень хорошо, что ты здесь. Я много лет потратил, чтобы найти одну из них вновь, но ничего не вышло.

Ларс помнил эти фразы дословно, ведь они отпечатались в его голове невероятно глубоким следом.

– Ты хочешь забрать её. Но я не хочу отдавать. Это моя вещь, мне она дорога.

– Ещё бы! Вещь в твоих руках – это настоящее чудо. Такой свет. Слово ангелы сами выделали её в своих небесных покоях.

– Я слышал о тебе. Каждый человек в городе знает, что ты берёшь своё, не упускаешь возможности заполучить желаемое. Они боятся тебя. И, кажется, я и сам опасаясь. Но жемчужина останется при мне.

– Ты уверен, что не хочешь отдать мне её? Я готов заплатить тебе. Столько, сколько унесёшь.

Но Ларс оставался непреклонным.

– Раз это такая дорогая вещь, то пусть она будет у меня. Деньги меня не интересуют. Я стар для праздной жизни. Она останется у меня. И наш разговор окончен.

– Ты уверен?

И тут Ларс увидел такое, отчего побледнел. Из прибрежных зарослей к нему навстречу вышли трое. Эти люди направлялись прямо к нему. Их лица были ему знакомы. Мальчик со шрамом на щеке от драки с соседским мальчишкой, девочка с длинными косами и в сером платье и девушка, на голове которой красовался синий платок с узорами. Ларс не мог поверить своим глазам. В голове всплыли те самые события, что надолго погрузили его в транс. Он единственный, кто выжил после крушения. Он не смог никого спасти. А между тем сейчас перед ним стояли члены его семьи, погибшие в кораблекрушении много лет назад.

19

Моряк смотрел на него с таким ледяным спокойствием, что Ларсу стало не по себе. Лица его родных выражали радость, они наконец увидели того самого, дорогого их сердцу человека. И Ларс не мог сдерживать эмоций. Он не видел их столько лет и даже не знал, что они живы.

На мои вопросы о природе этого Ларс не смог ответить. Он не знал, как возможно такое. Как может это быть реальностью. Но я поверил ему, а что ещё я могу? Этот человек не врал мне с самого начала и поэтому каждое его слово я воспринимал со всей серьёзностью.

Тогда Ларс понял, что готов отдать всё, чтобы семья осталась с ним. Моряк вновь задал свой вопрос:

– Ты уверен, что не хочешь отдать мне жемчужину? Разве эти люди не дороги тебе?

Ларс в тот миг принял решение. Оно возможно было поспешным и даже безрассудным. Но осуждать уставшего и одинокого старика за желание получить немного счастья – непомерно жестоко. Ларс отдал жемчужину без промедления, не сомневаясь.

Моряк похлопал его по плечу, произнеся:

– Вот видишь, не так уж она и дорога тебе. Мне пора уходить.

– Постой, – остановил его Ларс.

Моряк поправил свои распущенные волосы, которые слегка колыхались от ветра. Луна в этот момент подсветила его лицо. На нём Ларс мог разглядеть каждый сантиметр. Никаких шрамов, ран, оно словно и не было человеческим. Старик не понимал, кто же перед ним, какая сила в руках его. Но боясь потерять то, что только что обрёл, тихо спросил:

– Как это возможно?

– Это? Это разве не то, чего ты хочешь?

– Да, но как, как ты это сделал?

– Хм, я сделал? Думаю, это ты сам.

Ларс с трудом понимал, что происходит.

– Они будут со мной?

– Кто? – моряк повертел головой.

– Мои родные. Когда ты уйдешь, они останутся? Или исчезнут вместе с тобой?

– Наслаждайся мигом. Всё пролетает слишком быстро, чтобы задавать вопросы.

Ларс не успел ничего больше спросить, моряк уже направился к своему кораблю, стремительно отдаляясь. И воспоминания о том миге не давали покоя ему ещё долгое время.

И мне Ларс смог доверить эту историю. Эту тайну.

Если будет возможно, то я напишу и о других моих находках здесь. Но если письмо последнее, то на всякий случай спрячу его подальше, чтобы никто посторонний не нашёл. Однако пыливый ум обязательно всё найдёт.

Лиам Берг, Вальберген, 19 января 2004 года».

Какое-то время Хайме ещё перечитывал послание. Эти строки сильно задели его. Словно за пару страниц автор смог передать целую историю жизни, запечатлеть столько всего важного и оставить частицу себя. Больше всего его удивила дата. Этот человек писал совсем недавно. Где он? Может ли быть жив? Лу тоже прочла те строки.

– Он явно писал про того самого Ларса, так?

Девушка кивнула. Её лицо выражало задумчивость. То, что до недавнего времени были ей неизвестно, вдруг всплыло наружу и заявило о себе.

– Значит нам нужно скорее найти его. Похоже он что-то знает о происходящем здесь.

– Я всегда считала его сумасшедшим.

– Может и так, но похоже он не был таким раньше.

– Всё похоже на шутку. Я знала о моряке, но не думала, что он и впрямь такой могущественный.

– Это на него работают все люди вокруг? Ему приносят добычу с промысла?

– Да, речь точно о нём. Так происходит уже очень долго. И не думай, что тебе удастся поменять этот порядок.

– Хочу понять, как может быть, что я видел свою мать здесь. Такого не могло случиться. Но при этом я своими глазами видел её в этом окне. Мы должны разобраться.

– Что ж, я предупредила. Тебе здесь не будут рады. Но я уже так далеко зашла, что не вижу смысла отступить. Только ответь мне, пожалуйста, на один вопрос...

Хайме случайно её перебил:

– Спасибо, что идёшь со мной и делаешь всё это.

– Так я могу спросить?

– Да, сейчас моя очередь отвечать на вопросы.

– А что значит 2004 года?

– Ну год, который сейчас. А что? Что не так? Так говорят «такого-то года».

– Я поняла. Но почему эта цифра?

– А что с ней не так?

В следующую минуту Хайме узнал то, что выбило его из колеи. Лу взволнованно произнесла фразу, от которой у её собеседника проступил холодный пот:

– Он что из будущего?

20

Хайме был в полнейшем ступоре. Лу что не в курсе какой год? Тут нет календарей?

– А какой год сейчас по-твоему?

– 1954.

Парень побледнел.

– Ты не шутишь?

Лу смущённо покачала головой, как обиженный зверёк, которому чего-то не дали.

– Я более чем серьёзно.

– Я точно знаю, что сейчас 2004 год. И этот человек, этот Лиам Берг, был здесь совсем недавно.

– Но как это возможно. Разве время может существовать параллельно?

– Я нигде про такое не читал. Я не учёный, но, по-моему, это полнейший абсурд.

Лу с сильным удивлением уселась на пол. Она задумчиво водила пальцем по стенам.

Хайме с ужасом прокручивал последние события в голове. Страшно становилось от того, что детали начинали соединяться воедино. Все эти старинные интерьеры, глухой город, морской промысел и ощущение отчуждённости. Неужели он попал в другое время. Но когда именно? Когда увидел Лу? Или, когда поднял ту открытку? Значит и её старый фонарик не случайность.

Выходит, время здесь остановилось или может пошло по другому пути? Что он несёт? Это похоже на глупые рассказы псевдоучёных, теории которых основаны разве что на выдумках.

Он вспомнил момент, когда впервые узнал про время. Мама сидела с ним у телевизора, по которому показывали его любимый фильм «Волк». Сейчас он бы вряд ли назвал его хорошим, но тогда, в детские годы всё, что шло по телевизору казалось невероятным. В фильме фигурировал молодой парень со звериным прозвищем, который наводил порядок в небольшом городке. Хоть это и был европейский фильм, а сделали его по всем законам Голливуда. Красивый актёр спасает всех, держа в одной руке оружие, а в другой прекрасную девушку. Хайме в детстве очень нравилась эта актриса Лара Целлер. Хотя он ещё не знал, что в кино всё не настоящее.

Мальчик в очередной раз смотрел как Волк расправляется с шайкой бандитов. Выстрелы, погони страшно нравились ребёнку. Столько шума и движения – в обычной жизни такого нет. Хайме серьёзно следил за сюжетом, переживая за героев. А мама же сидя рядом (а она старалась следить за тем, что смотрит маленький сын) наблюдала за этим и улыбалась, иногда посмеиваясь над глупостью фильма. Однако её не могло не умилять то, с каким трепетом Хайме каждый раз смотрел это кино. И со временем она нашла фильм не таким уж и плохим.

Хайме спросил:

– А как мне найти эту актрису.

– Лару Целлер?

– Монику, ту, что Волк всё время спасает.

– Я и говорю Лару Целлер. Так зовут актрису.

Когда некоторое время спустя Хайме увидел её в другом фильме, то испытал настоящий шок. Она не настоящая Моника. Каждый раз она изображает другого человека.

– У неё что – три имени?

– Настоящее только одно, – мама не сдержала смеха, а затем погладила мальчика по волосам.

– Чего ты смеёшься? Что я такого сказал?

Мальчик удивлённо озирался. Его маленькие глаза были полны серьёзности. Правда из-за того, что он был ещё ребёнком, он не воспринимался таковым.

– Бывают герои, а бывают актёры. То есть одни люди играют других. Изображают.

– Значит всё не по-настоящему?

– Это как сказка, в них много выдуманного, хоть и есть немного правды.

– Я хотел сказать, что хочу найти Монику. И сказать ей кое-что.

Мама просияла от искренности Хайме, он напоминал небольшого ангелочка, разве что крылья тот спрятал где-то под пижамой.

– Понимаешь, она была молода в другое время. Тебя ещё не было на свете.

– Время? Что это?

– Это сложно объяснить в двух словах. Ну вот ты был младенцем, а сейчас уже ходишь и говоришь. И в таких случаях говорят «прошло время».

– Прошло время – повторил он и задумался, глядя на улыбчивую маму.

Он сходил на кухню за печеньем. Пришлось залезть на стул, чтобы дотянуться до него. Ароматное овсяное угощение так и манило своим запахом. Взяв желанное печенье, он вернулся в зал к маме. Она хотела было сказать ему, что есть нужно на кухне, ведь «крошки будут по всей комнате», но в тот миг совершенно не могла быть строгой. Мальчик жевал печенье, оставляя за собой след из крошек, по которым его без труда бы нашли. Он подошёл к маме и вытащив печенье изо рта сказал:

– А время уже прошло?

– С того момента как ты ушёл на кухню и вернулся прошло время, ты прав.

– А как понять, что оно идёт. У него же нет ног, чтобы ходить. Или есть?

– Послушай, сынок, время идёт постоянно. Когда ты ходишь, когда сидишь – оно не перестаёт двигаться. Вся наша жизнь – это время, минуты, секунды, часы, дни, годы.

– Так значит Моника, то есть Лара, уже сильно старше меня?

– Да, думаю ей уже лет сорок, не меньше.

– Значит я не смогу признаться ей в любви?

Мама снова улыбнулась. Он ещё не понимает, что такое время, но уже знает, что такое любовь. В этом весь Хайме, маленький добрый лучик в её жизни.

21

В голове Хайме роилось множество мыслей, одна мгновенно обгоняла другую по своей безумности. Он хотел бы ответить для себя хоть на один вопрос, но не мог. Всё, что здесь творилось уже окончательно стало походить на сон. В таком случае, когда же он наконец проснётся?

Но нужно собраться и что-то сделать. Сколько передряг было на работе в «Рохе» и ничего. Каждый раз выход находился, пусть не всегда приятный, но выход. Хайме глубоко вдохнул, постепенно успокоив себя. На какое-то время этого должно хватить, надо же в конце-концов разобраться с этой странной историей.

– Послушай, Лу. Не уверен, что понимаю, куда всё это движется, но прошу тебя помочь мне.

– Отец всегда учил быть готовой ко всему. Мне тоже страшно, но я хочу знать правду.

– Значит ты сможешь мне? – произнёс Хайме с надеждой глядя в глаза собеседницы.

– У меня нет выбора. Теперь мы связаны этой тайной. Так что давай узнаем, что здесь такое происходит.

– Можно, я...? – он не успел договорить, но Лу уже всё поняла.

Девушка крепко обняла его, заставив чуть вздрогнуть от того, насколько это было приятно и волнительно. Даже если она из другого времени, в нём наверняка люди также поддерживали друг друга. Хайме смущённо заулыбался, так, будто заговорил с самой симпатичной девочкой во дворе. В очередной раз он заметил, какой симпатичной была его новая знакомая. Все эти открытия словно сблизили их, хотя могли и легко рассорить.

Они спустились на первый этаж по той же лестнице. Хайме уже не оглядывал её оформление. Всё о чём он мог думать – встретиться с Ларсом, узнать что-то, уцепиться за эту слабую ниточку правды. Парень заметил, как Лу едва заметно вновь бросила взгляд на отцовский портрет на стене. Он не стал допытывать её вопросами, слишком много раз этим Хайме всё портил. Сейчас пришло время просто довериться ей и побольше узнать о происходящем. Хорошо, если Ларс и правда что-то знает.

Вдруг послышался сильный шум. Двери распахнулись и грубые мужские голоса облетели весь этаж. Лу сразу поняла, что это те самые моряки вернулись. Она намекнула на это жестом, Хайме сразу понял о чём она и молча присел. Девушка быстро искала взглядом какой-то выход, решение вопроса. Нужно было немедленно где-то схорониться, но где?

Голоса тем временем становились громче и звучали всё ближе, заставляя Лу трястись от напряжения. Хайме это передалось чуть позже. Он просто ещё не в полной мере осознавал, что происходит. А вот Лу уже прекрасна знала, что моряки с пришельцами церемониться не будут – чужакам здесь не рады.

Наконец единственный вариант был найден. Лу подала сигнал. Нужно не спеша на корточках доползти до небольшой комнаты в дальнем углу. С одной стороны, это отличное неприметное место чтобы спрятаться, а с другой именно его отдалённость может выдать их. Правда ничего другого придумать они не успели.

В комнате едва хватало места двоим. Тесное помещение к тому же заставили старой сломанной мебелью, так что они буквально вынуждены были сидеть под большим резным столом. В комнате пахло деревом и чем-то травяным, правда наслаждаться этим едва ли получалось. Напряжение нарастало и испуганные люди с ужасом ждали, когда дверь откроется. Хотя надеялись, что этого не произойдёт.

Моряк с хриплым голосом бродил по этажу и что-то искал. Периодически он начинал зверски кашлять, от неожиданных приступов этого Лу чуть вздрагивала. С каждым шагом тот всё ближе подходил к комнате. Ещё немного и он будет совсем рядом.

Затем слышались шаги второго, который судя по голосу был сильно моложе. Он бросил фразу, «что поищет наверху» и стремительно полетел наверх по лестнице. «Ему явно не так много лет, раз так резво бегают» – подумал Хайме.

Первый же дошёл до их комнаты, но заходить не стал. Он ещё не знает, что тут кто-то есть. Значит и открывать пока не станет. Теперь нужно было дождаться пока он куда-нибудь отойдёт и затем стремительно покинуть злосчастный дом. Но как это сделать?

Когда моряк отошёл они смогли наконец немного поговорить шёпотом.

– Если они заметят следы, то тут же начнут искать, – рассуждала девушка.

– Сейчас тот второй позовёт его наверх и у нас будет время.

– Надеюсь так и будет. Главное не выбежать слишком рано. Ты должен кое-что знать. Я не сказала тебе сразу, потому что не думала, что это важно. Но кто знает, вдруг тебя поймают.

– Не томи же, что ты хотела сказать?

– Там, когда тебе стало плохо и ты оцепенел.

– Что, что? – Хайме напряжённо вздохнул от нетерпения.

– Твои глаза на несколько секунд стали зелёными. Совсем ненадолго, но я точно это видела.

Они терпеливо ждали в окружении старой сломанной рухляди. Витавшая пыль уже перестала их хоть как-то раздражать. Всё ушло на второй план, казалось, само время остановилось, напряжённо выжидая что же случится дальше. Хайме пока не знал к чему приведёт их эта странная деталь с глазами, а клубок тайн пока и не думал распутываться.

22

Они ждали момента. Шаги отдалялись, первый моряк было достаточно далеко. Но вот второй, что, если он всё же бесшумно спустился сюда? Полагаться можно только на удачу. Хайме затаил дыхание, Лу смотрела на него, готовая вот-вот подать сигнал, что им пора.

Прошло ещё несколько минут, прежде чем послышался второй голос. Он и правда всё это время оставался на другом этаже. Кажется, у них есть шанс сбежать. Медлить нельзя.

– На этаже следы, Клифф! На наши не похожи. Тут кто-то побывал!

– А что с жемчужиной? Моряку она позарез нужна. Надо найти.

– Я не вижу её. Должна была тут лежать или рядом.

– Может наши гости забрали? Давай хорошенько осмотримся!

– Идём. А то не хочется попасть на личную аудиенцию к моряку. Я сам его не видел, говорят, что он помешался на этих жемчужинах.

– Я видел. И лучше бы мне забыть об этом. Мой брат Салливан как-то решил поспорить с ним.

– На что?

– На первый взгляд мелочь. Салли был уверен, что сможет одолеть того по выносливости. Они задержали дыхание и погрузились в воду. Я смотрел на это с волнением, не думая, что всё зайдёт так далеко. Мой брат всегда отличался большой силой. Никто в Вальбергене не мог так долго обходиться без кислорода. Ему всё было нипочём.

– Но моряк одолел его?

– Я помню, что насчитал минут 7, дольше вряд ли бы кто-то продержался. И я не выдержал. Побежал, полный отчаяния. Я зашёл на глубину, туда, где он нырнул. Почти ничего не видя, в ночной тьме, я искал Салливана.

– Ты не спас его?

– Мой брат слишком понадеялся на себя. Силы оставили его. Когда я нащупал в воде тело, стало слишком поздно. Вода мешала плыть, волны били по лицу, но ничего этого я не замечал. Мне хотелось лишь спасти Салливана, но увы.

– А моряк – всё это время?

– Продолжал быть под водой. Через несколько минут он вынырнул, как ни в чём не бывало. Сила его безгранична. И победить мог только по одной причине, море – стихия, что ему подвластно. Он не человек вовсе. Таких людей просто не бывает.

– Значит с тех самых пор ты держишься подалеке от него?

– Хочешь спросить боюсь ли я его? Нет. Но у меня нет силы, чтобы бороться с ним. Всё что было за семь минут исчезло в заведомо проигрышном испытании. Я мог его остановить.

– Клифф, ты не виноват, что ты мог? Это был спор, и ты не стал вмешиваться.

– О нет, я чувствую словно собственными руками утопил малыша Салли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.